

А. БУШКОВ

**БУЛЬДОЖЬЯ
СХВАТКА**

ОЛМА МЕДИА ГРУПП

Александр Александрович Бушков

Бульдожья схватка

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122274

Бульдожья схватка: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2011

ISBN 978-5-373-03088-5

Аннотация

Братья-близнецы Петр и Павел выбрали в жизни разные пути: один теперь отставной подполковник, другой – преуспевающий бизнесмен. За внушительную сумму бизнесмен предлагает брату побыть несколько месяцев в его обличье – в офисе и дома, пока сам он заляжет на дно, чтобы провернуть крупную сделку и разобраться с конкурентами...

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	15
Глава третья	25
Глава четвертая	34
Глава пятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Бушков

Бульдожья схватка

Все до единого персонажи вымышлены от начала и до конца.
Александр БУШКОВ

*... настало время родить ей,
и вот близнецы в утробе ее.
Дети выросли, и стал Исав человеком,
искусным в звероловстве, человеком полей;
а Иаков человеком кротким, живущим в шатрах.*
Бытие, 25, 24, 27

Часть первая

Один плюс один – получится один

Глава первая

Принц и нищий

Водитель, так и не назвавший своего имени, гнал высокий джипер, как истинный виртуоз – ежесекундно на зыбкой грани лихости и хамства, ни разу не создав и намека на аварийную ситуацию, но, несомненно, заставив пару миллионов чужих нервных клеток скоропостижно и преждевременно скончаться. Петру порой прямо-таки физически чувалось, что они стали словно бы ядром кометы, увлекавшей за собой невидимый хвост отрицательных эмоций и бессильной злобы, изливавшейся, как легко догадаться, лишь в резких обиженных гудках то справа, то слева. Ничего больше не оставалось, как давануть клаксон, яростно матернуться – а в следующий миг бежевый «сарай» с тонированными стеклами исчезал из поля зрения очередного обиженного.

– Угровишь ты нас этак-то, – сказал Петр.

Хотел, чтобы прозвучало шутливо-непринужденно, но отчего-то получилось едва ли не просительно.

– Не бери в голову, – хмыкнул плечистый. – Я по этой трассе десять раз на дню мотаюсь, с завязанными глазами пройду...

И бросил бежевого японца вправо-влево, проворно обойдя синий «жигуль», проскочив между ним и «газелью», вылетев на полосу «жигуля». Сзади пискнул сигнал. Желтый не успел еще смениться зеленым, как джипер под визг покрышек свернул влево и с ревом пошел на подъем, обходя попутчиков, как стоячих. На секунду выпустив руль – что ни на миллиметр не изменило траектории полета, прямой, как полет ворона, – плечистый бросил в рот сигарету, щелкнул зажигалкой, выпустил первую струйку дыма и лишь теперь обозначил что-то похожее на человеческие чувства: покосившись на пассажира, усмехнулся почти дружелюбно:

– А вообще – забавно. До сих пор привыкнуть не могу. Как две капли...

– Да уж, – сказал Петр первое, что пришло на ум, – есть такое дело.

Джипер проскочил между встречным троллейбусом и припозднившейся попутной «Волгой». Без нужды взревел сигналом, пуганув двух девчонок в отчаянно коротких юбках,

торчавших поодаль от троллейбусной остановки. Те невольно шарахнулись от кромки тротуара.

– Вечереет, – прокомментировал плечистый. – Сниматься вышли, соски. Тут у них общага на общаге. Принцев ждут, что характерно, со всем романтическим запалом. Как будто хватит принцев на них на всех. Диалектику не учили, давалочки, и теорию вероятности тоже.

– А ты учил?

– Ознакомился малость.

– То-то я и смотрю, что парнишка ты непростой... – медленно сказал Петр.

– Простые, командир, бывают только карандаши, – ухмыльнулся парень. – Тормознуть, подхватить тебе ляльку? Босс тебя будет по-родственному ублажать, а значит, по полной программе. Не бойсь возможных осложнений, я тебе наметанным глазом чистенькую подберу... Думай быстрее, пока город не кончился. Во-он, идут две с виолончельками. Снять с них очки и все остальное, виолончельки в угол поставить – такое отчебучат, знаю я этих, по классу сольфеджио... Ну, думай?

Он недвусмысленно сбросил газ, вильнул к обочине.

– Проехали, – сказал Петр. – В прямом и переносном смыслах.

– Ну, проехали... – он притоптал газ. – Радиацией надышался или чего похуже, в рассуждении борисомоевщины?

– Просто не любитель.

– Вот тут ты – вовсе не как две капли... Резко отличаешься от босса, даже удивительно, если вспомнить про гены...

– Какой уж есть.

– Дело хозяйское...

– Давно из армии? – спросил Петр.

– Ох ты, – водитель качнул головой не без уважения. – Что, неуж до сих пор видятся следы неизгладимой печати?

– Видятся, – сказал Петр, – для наметанного глаза. Постепенно этак проступали, пока не убедился... Лейтенант, а? Или, вполне вероятно, старший. Не суперсерьезные войска, но и не стройбат. Не стандартная пехтура. Ушел не так уж давненько, но и не вчера, однако ж до сих пор тянет старшему по званию легонько нахамить и вообще держаться с ним развязнее, чем следует...

– А вот теперь снова – как две капли... Умом ты в босса, не сочти за комплимент.

– Или он – в меня, – сказал Петр.

– Нет уж, прости, подполковник, но как раз ты в него. Будь расклад наоборот, ты бы на его месте обретался, а он на твоём, меж тем видим мы иную картину... В десятку. Лейтенант. Старшой, – очень похоже симитировал бессмертные интонации Папанова-Лёлика. – Не стройбат и не девятьсот пятая мотострелковая имени Шуйской швейной фабрики...

Городская окраина осталась позади, по обе стороны дороги потянулся сосновый бор, где редкий, где смыкавшийся стеной. Плечистый зажег ближний свет, но скорость не сбавил.

– А что ушел?

– Ушел и ушел, – мелькнула в голосе плечистого нотка злой напряженности. – Остозвездоло, и точка. Тема закрыта.

На дороге не было ни единого фонарного столба, и оттого Петру казалось, что темнота падает гораздо быстрее, чем оно обстояло в реальности. Тайга заслонила солнце, джипер легонько потряхивало на выбоинах. Показались первые дома не так уж далеко отстоявшего от Шантарска новорусского поселка, давно потеснившего земли совхоза «Надежда», имевшего несчастье располагаться в самом что ни на есть живописнейшем месте и потому понемногу съедавшегося нуворишами, словно печенка – раковыми клетками.

Несмотря на сумерки, без труда можно было определить, что добрая половина домов либо недостроена, либо заброшена чуть ли не на финальной стадии.

– Мемориал жертвам семнадцатого августа, – мимоходом прокомментировал плечистый. – Рвануть на орбиту рванули, а второй космической скорости не набрали, вот и сдохли в самый интересный момент...

– Но у Паши-то дела, я так понимаю, не в застое?

– Не то слово, – на сей раз в голосе плечистого звучало самое натуральнейшее, без тени холуйства, почтение. – Павел Иванович и пишется Павел Иванович, поскольку мозги имеет драгоценнейшие. Я бы поменялся по рецепту профессора Доуэля... Все, приехали. Грядет воссоединение родственников, по-еврейски, кажется, алия. Или не алия, кто их там разберет... В общем, лобызнешься. В переносном смысле, понятно, ибо босс не сентиментален...

– Я тоже.

– Вот и ладушки.

Он выпрыгнул, вмиг распахнул ворота, провел джип по широкой бетонированной дорожке к крыльцу двухэтажного шлакоблочного особняка. С той же проворной ловкостью выпрыгнул из машины, бросил мельком:

– Выходить не вздумай, кобель глотку вырвет. Сейчас вернусь, проведу, – и быстрым шагом направился запереть ворота.

Петр покосился вправо – метрах в трех от машины стоял, чуть наклонив голову и прижав уши, неведомо откуда вынырнувший восточноевропейский овчар устрещающих габаритов, смотрел на джип с терпеливой надеждой любителя человечинки.

– Выходи, – плечистый распахнул дверцу. – Черт, стоять смирно!

Едва Петр выпрыгнул, огромный, не менее восьмидесяти сантиметров в холке Черт повел себя странно: насторожив уши, всмотрелся, неуверенно уркнул, потом даже попятился, склонил голову, утробно заворчал, встал как-то боком, затоптался.

– Ох ты, я и не подумал... – расхохотался плечистый. – И ведь точно, сбил ты с толку нашу зверину... Вон как недоумевают... Черт, это кто? – смеялся он, тыча пальцем в Петра. – Это не хозяин, это – как две капли... Вот-вот, сбит с панталыку... Комедия. Соображает что-то, а допереть до сути собачьим воображением все же не может. Черт, это кто?

– Хватит, – недовольно сказал Петр. – Кинется еще...

– Не бзди, он у нас ученый... Черт, место! Все. Пошли.

Он первым направился к крыльцу – высокому, основательному, с коваными черными перилами и остроконечной зеленой крышей, явно скопированной со старых русских теремов. Уверенно распахнул дверь, провел в широкий коридор:

– Бросай фуражку на крючок, сымай ботинки, у нас тут ковры повсюду...

– Сюда?

– Ага. Чемоданчик поставь, не упрут... Пошли.

С шутовской предупредительностью распахнул перед Петром последнюю дверь слева. Обширная комната, от пола до потолка отделанная темными деревянными панелями. Камин посередине стены.

Огромная кабанья голова таращится со стены желтыми стеклянными глазищами. Огромный телевизор. Бильярдный стол. Высокие вычурные кресла вокруг массивного стола.

– Ну, здорово, братан...

Человека слаонервного, окажись он неподготовленным свидетелем этой сцены, могло бы и ощутимо встряхнуть. А уж об индивидууме, находящемся в преддверии белой горячки, нечего и говорить – таковой вмиг и основательно поехал бы рассудком, достаточно вспомнить кое-что из прошлого. Сережка – как же его фамилия? – и в самом деле едва не рехнулся. Он как раз проснулся после недельного запоя, а они вошли в комнату вдвоем, старательно

синхронизируя движения. Молоды были и безжалостны, шутили сплошь и рядом жестоко, чуть в психушку не отвезли Пашиного однокурсника...

Человек, шагнувший навстречу Петру с протянутой для крепкого рукопожатия рукой, отличался только одеждой – не офицерская форма, а широкие тренировочные брюки и просторная домашняя рубашка. Во всем остальном они были неотличимы, словно отражение в зеркале: рост, комплекция, черты лица, цвет глаз, даже прически почти копируют друг друга. Две горошинки из одного стручка.

И не было во всем этом, конечно же, ни мистики, ни шаловливой игры случая. Были братья-близнецы, только-то и всего. А отличие исключительно в том, что выбрали в жизни разные дорожки, но и в этом, если подумать, нет ни капли удивительного. Братья-близнецы Петр и Павел, названные так папашею вовсе не в честь первых учеников Христа, – родитель, как и подобает провинциальному интеллигенту пятидесятых, от религии был дальше, чем Юпитер от Земли. А первенцев нарек в честь города Петропавловска, где, как легко догадаться, они и появились на свет, устроив родителям нешуточный сюрприз: в те патриархальные времена еще не было хитрой медицинской техники, способной предсказать заранее, что в утробе молодой мамы не один, а целых двое. Разве что бабка с позиции немалого жизненного опыта что-то такое предчувствовала и даже вроде бы вяло предсказывала вслух.

– Здорово, Паша, – сказал Петр, крепко тряхнув протянутую руку. – Приехал вот...

Откровенно говоря, испытываемые им чувства были далеки от телячьего умиления, присущего в каждом кадре персонажам индийских и мексиканских шедевров. Они слишком долго не виделись – это раз. Слишком долго жили вдалеке друг от друга, каждый своей жизнью, как небо и земля. Пресловутой братской любви, в общем, никогда особенно и не ощущалось. Слишком рано разбросала жизнь, слишком разные дорожки, слишком... Через слово всплывает это «слишком». Не чужие, конечно, – но и совершенно не тянет бросаться на шею неотличимому от тебя человеку. Разные мы чересчур, он и я. Свежеотставной подполковник и один из крутейших шантарских бизнесменов. Брат, конечно. Брательник. Но мышцы лица в умиленной улыбке что-то не спешат расслабиться, слеза на очи отнюдь не наворачивается. Да и у него, похоже, те же самые ощущения...

Потому что в голосе та же ноточка неловкости:

– Ну проходи, брательник, проходи, что ты стоишь, как слесарь по вызову... Митя, можешь улетучиваться. Братовья ностальгии будут предаваться, тебе это неинтересно... Падай, Петя, в кресло. Жахнем не мешкая? У меня, признаюсь, башка с похмелья похрустывает, вчера расслаблялись с нужными субъектами, а поутру дела навалились, подлечиться времени не было, да и тебя ждал... – Павел привычно устроился в мягком кресле по другую сторону низкого столика, щедро наплескал во внушительные бокалы тяжелой жидкости чайного цвета. – Коньячок отменный. За приезд!

Коньячок, и в самом деле, оказался отменный, без малейшего сивушного жжения. Петр выпил до дна скорее по обязанности – глядя, как братец в два глотка жахнул свой, не без некоторой неловкости помаячил вилкой над блюдечками и тарелками. Если вдумчиво прикинуть, эта вечерняя закусочка обошлась в его полугодовое офицерское жалованье, включая все надбавки – это ежели не считать самого коньячка; он как-никак не был законченным вахлаком и примерно представлял, сколько сейчас стоит литровая бутылка «Хеннесси».

– Давай-давай, – поощрил Павел. – Не в ресторане, где нужно на цены оглядываться... Цепляй вон ту.

– Это еще что? Змея – не змея...

– Это рыба минога, – разъяснил Павел. – Или не совсем рыба, типа угря... Но вкусна. Оцени.

– Вкусна, – прожевав, согласился Петр.

– Ну, забрало?

– Н-ну...

– Ты плечиками не пожимай. Если не забрало, сейчас живенько повторим... Держи. За приезд мы уже махнули... давай, что ли, за твое вольное существование? Ты ведь, я так понимаю, окончательно откинулся из бывшей непобедимой и легендарной?

– Все, – кивнул Петр.

– А это что за пряжечка? С римскими цифирками?

– Двадцать пять лет беспорочной, изволишь ли видеть, службы, – усмехнулся Петр. – Опять ввели, по царскому образцу.

– А... Слышал что-то такое, но на человеке еще не видел. – Он с живым интересом присматривался. – Однако иконостас...

– Да брось, – отмахнулся Петр, – орденов только три, остальное – юбилейки и за выслугу...

– Все равно красиво. Я тут сам собрался насчет чего-нибудь такого очередного похлопотать – на некоторых импортных гостей просто-таки убийнейше действует, когда в петлице ленточки... Только руки никак не доходят. Значит, ты теперь у нас совершенно вольный человек... Вольный сокол.

– И, можно сказать, гол как сокол, – вырвалось у Петра.

Он тут же выругал себя за это. Решит еще, что прошу денег, а ничего подобного и в мыслях нет. Видит бог, даже у родного брата в жизни не просил денег и нет намерений просить.

И поспешил исправить невольный ляп:

– Вообще-то это только по сравнению с тобой, брательничек. Есть кое-какие накопления, поменял на доллары...

– Ух ты! И много?

– Ну, тысяч пять есть.

Он надеялся, что прозвучит это солидно. Очень хотел, чтобы прозвучало солидно. Увы... Пашка ничего не сказал, словечка не проронил и лицом не изменился, но в глазах что-то такое на миг мелькнуло, отчего пять тысяч долларов, лежавшие в тщательно заклеенном конверте, показались грошиком. И никакой солидности. В этом доме нет у тебя никакой солидности...

– Сумма, – проронил Павел без выражения. – А как насчет спутницы жизни?

– Ну, с Юлей я семь лет как в разводе...

– Ох, брательник! – досадливо поморщился Павел. – Ну не настолько ж я чурбан бесчувственный и беспамятный, чтобы не помнить этапные вехи из жизни родимого брата... Что с Юлей развелся – представь, помню. И что семь лет как – тоже помню. Я про день сегодняшний.

– Есть одна женщина... – сказал Петр осторожно, – а собственно... – коньяк все же подействовал, сняв тормоза. – Ситуация такая, что до сих пор неизвестно, есть она или нет. Не определилось.

– Будешь определять?

– Попытаюсь, – кивнул Петр.

– А вообще планы на будущее?

– Н-ну... Погощу вот у тебя, пока не надоем, а потом вернусь в Новосибирск. Обещали пристроить. Замначальника службы безопасности на немаленьком заводе, завод с грехом пополам и сейчас ухитряется выживать...

– Это который?

– Нынче он зовется АО «Борей». Бывший...

– Да знаю, – прервал Павел. – Имел я с ним дела, и когда он был бывший, и когда он стал АО. Вообще да, этот выживет. Зарплатка, как я понимаю, не меньше тыщи?

- Обещали полторы.
- Аж шестьдесят баксов... Нехило.
- Для меня, извини, весомо. Плюс премиальные, еще надбавки какие-то... Обещают квартиру, если все хорошо сложится, можно будет ее потом приватизировать за небольшие деньги...
- Тоже неплохо, – кивнул Павел.
- Ну, «шестерочка» есть, если ты помнишь. С гаражом теперь будут проблемы, но стоянку подыскать нетрудно.
- Другими словами, на улицу тебя, голого и босого, не выкинули, – рассудительно заключил Павел. – В перспективе и работа, и хата, и колеса есть... А она кто? Эта, про которую пока что неизвестно?
- Бухгалтер. В том самом заводоуправлении, то бишь АО.
- Это хорошо, – задумчиво протянул Павел. – Сможет крепкой рукой вести домашнюю экономику... Ты не думай, я не смеюсь. Да боже упаси! Ежели взглянуть с одной стороны, Петя, то все у тебя складывается просто-таки прекрасно: работа гарантирована, в перспективе приватизированная хата, на супружеском фронте тоже, будем надеяться, грянут положительные подвижки... Вот только, брательничек, есть еще и друга я сторона. И ежели взглянуть как раз с этой самой другой стороны, то мы узрим и не такую уж радужную картину. Сотня баксов в месяц и старая «шестерка»...
- Ну, когда все устроится, подыщу что-нибудь получше...
- Ага, вместо старой «шестерки» – новую? Или, подымай выше, «Волгу»? Слабовато, братан... Ты не сердись, но слабовато. По нынешним временам.
- Все относительно, – пожал плечами Петр, в общем, все это выслушавший без малейшей обиды, как-никак ему было не двадцать, и былой амбициозный юнец давненько затерялся среди призраков минувшего. – По сравнению с тобой я, конечно, нищесбород, но на фоне миллиончика-другого сограждан – и вовсе сущий Рокфеллер.
- Обиделся?
- И не думал.
- Честно?
- Да честно, честно, – сказал Петр беззаботно. Подцепил тяжелой серебряной вилкой – определенно антикварная – прозрачный ломоть белорыбицы и отправил в рот. – Сроду завидующим не был. Мне и на своей ступеньке удобно.
- Удобно или – привык?
- А какая разница?
- Павел наклонился вперед, в глазах играло нечто непонятное:
- Преогромная, брательник. Как между березой и Березовским... Разные это вещи – «удобно» и «привык». А на другую ступеньку не хочется? Совсем-совсем? Ты мне только не ври. Хотя мы с тобой за последние двадцать лет и общались раз в пятилетку, помню я тебя живчиком... Да вообще не может нормальный мужик сам себе установить низкий потолок, чтобы ходить двадцать четыре часа в сутки полусогнутым...
- Похоже, его забрало – ничего удивительного, ежели с похмелья потреблять коньяк чуть ли не фужерками...
- Очень уж отвлеченные материи, – сказал Петр чистую правду. – Только не говори, что ты меня в компаньоны возьмешь. Такое только в индийском кино бывает, а я, братан, к нынешним своим годам здорового цинизма подкопил...
- И правильно, – кивнул Павел, – здоровый цинизм – вещь в голове необходимая. И полезная, ох, полезная порой... В общем, наше славное государство тебя кинуло по высшей марке. Ты, конечно, не строевик, а штабист, но это как раз с государства вины не снимает: уж я-то, бизнесмен, понимаю, как важен штаб, да и в любой армии, кроме нашей, жирную

пенсию воякам дают, не деля на строевых и тыловых... Короче, страна от тебя отделалась пряжечкой и бляхами... Насчет службы безопасности на «Борее» – знаешь ли, тоже не фонтан...

– А ты что, предлагаешь что-то?

– Поглядим, поглядим... – протянул Павел.

Петр наконец сообразил, что это там поблескивало у него в глазах, – веселое озорство. Как в былые времена отрочества, когда замышлялась очередная каверза, безобидная и не особенно, основанная на идеальном сходстве.

Павел наклонился еще ближе:

– Знаешь, я ведь все-таки не скотина бесчувственная. И братьев у меня ровненько один – при полном, что характерно, отсутствии сестер. Ну их к ляду, все эти высокие слова, но мне и в самом деле в падлу смотреть, как родной брат, мало того, вылитый я, собирается жить на сотню баксов... Тут надо что-то делать, херр Питер. Вот только что? Выгрести из кармана пачку мятых баксов, сколько в жменю влезет? Пошлости... Во-первых, веришь ты или нет, не найдется у меня ни свободных, ни лишних денег. Во-вторых, уж прости, за десять лет бизнесменского бытия выработались свои стереотипы и рефлексy. И были б деньги, не дал бы. Не оттого, что черств душой, а оттого, что мне поперек души давать деньги просто так. Даже родному брату, кровинушке. Привык я за десять лет, что деньги за-ра-ба-ты-ва-ют. Все вокруг меня и я сам. А с другими как-то не общаемся... Короче, в полнейшем соответствии с известным изречением не дам я тебе рыбки, а дам я тебе удочку. Заработать дам. Хочешь?

– Ежели только не киллерством.

– Да какой из тебя киллер? – хмыкнул Павел. – Киллера – оне совсем другие... И уж не стал бы я родного брата... а если уж с тем самым здоровым цинизмом, то не стал бы ждать, когда выйдет в отставку бедный братец. Вон Митьку возьми – молод и жаден до благ, он, как в анекдоте, даже номер квартиры уточнять не будет, а то и номер подъезда... Шучу. У меня, Петруша, бизнеса всегда были серьезные, легальные и услуг убивцев, сгруппа именуемых киллерами, отроду не требовавшие. В общем, пятьдесят тысяч баксов хочешь?

Нельзя сказать, что Петр был так уж ошеломлен. Даже дыханье в зобу не сперло. И все равно, сумма впечатляла...

– Ага! – Павел торжествующе уставил в него указательный палец, и в перстне холодными лучиками сверкнул крупный бриллиант. – Что, авторитетная суммочка?

– Да уж. В моем положении...

– И не только в твоём...

– Я вот только в толк не возьму, что мне за такие деньжищи надо будет сделать, – признался Петр.

– А почти что и ни хрена, – будничным тоном сказал брат. – И всего-то-навсего побудешь пару-тройку месяцев мною. Что ты сделал глаза пятаками? Повторяю. Побудешь пару-тройку месяцев мною. Как во времена упорхнувшего детства и беззаботной юности. Говоря конкретнее, в один прекрасный день я залягу на дно, а ты однажды сядешь в мою машину в виде меня. На два-три месяца. От и до, я имею в виду. Никаких французских комедий, когда один близнец то и дело ныряет за занавеску или там в соседнюю комнату, а второй выскакивает и на четверть часа делает вид, будто он и есть первый. Все эти месяцы будешь мною. От звонка до звонка. В офисе. Дома. Где еще потребуется. Я не нажрался, я пока еще почти трезвехонек. И выдаю я тебе сейчас не экспромт, не похмельный розыгрыш, а результат скрупулезнейших двухнедельных раздумий. Все прокручено в голове на сто кругов. Какие, к черту, экспромты... Что молчишь?

– В голове не укладывается.

– Да? – прищурился Павел. – А помнишь, как экзамены сдавали? Как я вместо тебя ходил и куда, как ты вместо меня ходил и куда? И ведь не обнаружилось, даже тогда, с Галочкой, так и не догадалась, коза...

– Ох, насчет Галочки... – сокрушенно опустил глаза Петр. – Ведь молодые были, щенки, сейчас стыд пробирает...

– А... Ей-то что? Получила двойной кайф, только и делов. О другом подумай. О том, что подмену обнаруживали примерно в одном эпизоде из десяти – да и то потому, что заранее знали: двое их, Савельевых, двое. Знали. Теперь представь, что подмену мы устроим в условиях, когда ни одна собака и не подозревает, что нас двое... Все шансы. Сто из ста.

– Нет, ты серьезно?

– Да мать твою! – вскинулся Павел. – Абсолютно. Совершенно. Что я, по-твоему, стану убивать две недели, чтобы в деталях придумать примитивный розыгрыш? Любой розыгрыш не стоит пятидесяти штук в зелени. Потому что есть ситуация, когда меня просто-таки должно быть двое... коряво с точки зрения грамматики, да лучше и не скажешь. Меня должно быть двое.

– На тебя что, наезжают?

Павел даже приоткрыл рот:

– Эт-то с чего тебе в голову пришло?

– Черт его знает. Просто это первым в голову и пришло. Вспомнил вдруг, как разные императоры, по сплетням, двойников себе устраивали.

– Ер-рунда полнейшая, – с чувством сказал Павел. – Двойник на случай покушения? Фу ты... Не такая уж я свинья, чтобы родного брата под пулю подставлять, даже если представить, что и в самом деле... Вздор. Глупости, Петя. Никто в этом городе мне не желает зла настолько. Враги есть. Недоброжелателей хватает. О конкурентах вообще молчу. Но заказывать меня никто в жизни не станет. Не тот уровень, не те круги. Чем хочешь поклянусь.

– Тогда?

– Вот это уже деловой разговор, а? – усмехнулся брат. – Суть дела, в общем, проста. Маячит великолепнейшая сделка – даже по моим нынешним масштабам чертовски завлекательная. И, как это в жизни повелось, тут же наличествуют целые черпаки дегтя – в виде и конкурентов, и «кротов» в моей собственной фирме, каковые до сих пор выявлены не все. Понимаешь, в общих чертах? Молодец. Ну, а детали рассказывать не стоит по одной-единственной, но крайне существенной причине: чтобы мало-мальски тебя ввести в курс дела, придется пару суток без передышки чесать языком. Я-то в этом уже десять лет, а ты, извини, консалтинг от лизинга не отличишь без длинной лекции... Соображаешь?

– Пожалуй.

– Так что поверишь на слово, что это сделка века и другого выхода у меня нет?

– Придется, – кивнул Петр.

– Молоток, брательник... Короче говоря, нас будет двое. Ты и будешь я. Ты будешь представительской фигурой – восседать в креслах, посасывать шампань на банкетах, кивать с умным видом, вообще производить впечатление резко поглупевшего меня. Поверят. Почему, объясню чуть погодя... Да вдобавок я тебя предварительно как следует поднатаскаю. И рядом с тобой будет посвященный человечек. В любой миг придет на помощь. Ну, а я... Меня как бы и не будет. Я в стороне, в подполье, я как раз и работаю. При том, что никто, кроме считанных индивидуумов, и не подозревает об истинном положении дел. Нам понадобится два-три месяца... впрочем, при удаче скорее два, чем три, а то и в месяц уложимся. Получишь свой законный процент, сиречь полсотни штук зеленью, – и отвалишь в Новосибирск. Тут тебе и хорошая квартира, и приличная машина, и на обзаведенье, на ложки-поварешки... И на брюлики твоей Кирочке хватит. Что скажешь? Сделка касается опять-таки самого что ни на есть легальнейшего бизнеса – просто такова уж се ля ви, у нас ради

честнейшего заработка приходится идти на самые немыслимые финты... Газеты читаешь, телевизор смотришь, должен понимать. Что насупился?

– Это ж не экзамены... – сказал Петр.

– Да не о том ты! Берешься?

– Я бы с радостью, – признался Петр, – ради таких денег. Но это, повторяю, не экзамены. И не история с олимпиадой. И даже не... не случай с Галочкой. Разоблачат.

– Кто?

– Ну, твои же сотрудники. Партнеры. Деловые знакомые. Весь привычный круг общения. Мне нужно будет знать столько... Всех и все. Куда там, к черту, Штирлицу... Не справлюсь.

– Петенька... – поморщился Павел, – Петюнчик... Ну какие, в задницу, разоблачения? Ты же будешь не в себе. Точнее, не совсем в себе.

– Это как?

– Ты, страдалец, то бишь я, страдалец, попал в аварию, – серьезно сказал Павел. – Я очень редко сажусь за руль, все знают. Решил вдруг проветриться, не справился на повороте с джипером... Когда приедут «скорая» и менты, их взорам предстанет натуральнейшим образом разбитый джипер. Митя постарается, у него голова светлая. Причем, повторяю, все продумано до мелочей. И обломки джипера будут живописно громоздиться на обочине, и шмотье на тебе будет изодрано художественно, и кровушка из тебя будет струиться... ну, что ты ежишься? В паре мест аккуратненько располосуем кожу, ничего страшного, и кровянка немного поструится, и веночки не будут задеты. Синячок там под глазом... За полсотни тонн зеленых, право же, стоит чуточку страдануть. Царапины заживут. В общем, авария. Джипер вдребезги. У тебя сотрясение мозга – каковое, между прочим, диагностике не поддается совершенно. У меня, то бишь, сотрясение... ладно, отныне будет все-таки у тебя. Мало того, у тебя провалы в памяти, у тебя некие непонятные любому медицинскому светилу завихрения психики. Ну, врубился? Потому ты и не узнаешь старых знакомых, через одного. Потому у тебя прошлое из памяти выпало кусками, шматами, пластами. Месяцами и годами. Потому ты и в бытовых мелочах во многом изменился. И кабинет свой не помнишь, где что лежит, в толк не возьмешь, и закадычного друга Вову видишь словно бы впервые... Железное объяснение, Пьер. Ну, недельку поскучаешь в больнице. Доктор свой. В курсе. За те денешки, что он получит, из кожи вывернется. Как и мой верный пес, коммерческий директор, – он тебя будет водить, как ребеночка за ручку. С глазу на глаз даст любые пояснения. Да и я, пожалуй что, навещу как-нибудь. Есть у меня гример, и бороду присобачит самую натуральную, и вообще внешность изменит. Сечешь? Любая нестыковка, любое неузнавание будут заматовированы железнейшим образом. Никто не удивится, ни одна живая душа. Тебя попросту будут жалеть. Бедный Павлик, увечный, ушибленный, с перевернутыми мозгами, жертва роковой аварии... Ну кому тут в голову придет подозревать? О том, что ты есть, мало кто и помнит. Слышали краем уха, что есть у меня брат за тридевять земель, но про то, что он близнец, никто и не знает. Не было у меня времени за эти десять лет родню вспоминать принародно, уж извини за откровенность. Вообще у нас мало кто вспоминает о далеких родственниках. Не та среда. Голова постоянно забита другим. Делами. Ты-то многим рассказывал с подробностями и живописными деталями, что у тебя есть где-то в паре тысяч верст брат-близнец?

– А пожалуй, что и немногим, – задумчиво сказал Петр. – Не всегда и случай выпадает пооткровенничать о родне, тут ты прав...

– Вот видишь. Все шансы... Что до фирмы, то девять человек из десяти со мной, с биг-боссом, общаются настолько редко, что и не почувствуют разницы. И вообще все ходят по струночке. Будут, конечно, сплетничать и об аварии, и о сопутствующем, но мой эскулап, будь уверен, дело знает. Преподнесет столь убедительную версию, что все поголовно сха-

вают, не поморщатся и пальчики оближут. Проскочит. Говорю же, все будут у тебя за спиной понимающе переглядываться, головой кивать сожалеючи – ах, жертва лихачества... Тебе, надеюсь, не так уж стремно будет пережить смешки в мой адрес? Это ж меня будут считать убогоньким, приложившимся башкой...

– Подожди, – сказал Петр. – Подчиненные – ладно... А твои? Жена с дочкой?

– С падчерицей, брательник.

– Все равно.

Павел усмехнулся чуть беспомощно:

– Ох, сдается мне, не избежать краткого экскурса в интимную жизнь монархов... Во-первых, с Катькой – а соответственно, и с чадом ееим Наденькой – мы живем всего-то четыре с лишним года. Это не Женя, та-то меня за одиннадцать лет изучила досконально, на молекулярном уровне. Во-вторых, если уж откровенно, я и дома-то бываю таким привидением. Мелькну утром, мелькну вечером, видят они меня пару часов в сутки. И так – все четыре года. Деньги, браток, сами в руки не плывут. Крутишься как белка в колесе, ни ты света белого не видишь, ни дома тебя не видят. Ну и в конце-то концов опять-таки многие несообразности сплещем на то самое сотрясение мозга. Проглотят мои бабы, как миленькие. В конце-то концов мы здесь с тобой посидим пару дней, я тебя предварительно поднатаскаю, чтобы провал в памяти не был очень уж зияющим...

– Нет, ну а если она захочет...

– С муженьком потрахаться? – догадливо подхватил Павел. – Ну и флаг ей в руки, Катерине свет Алексеевне, пусть трахается. Что плохого, ежели с законным-то мужем? Она ж мне не изменяет, вот он я, в точности такой же... И потом, братуха, скажу тебе предельно откровенно – с Катькой у нас, похоже, окончательно все раздрызгалось. Склеить не получится, да и нет охоты. Мы и так на грани разбегания, все равно придется этак через полгодика цивилизованно разводиться. Ты мне только не выражай никаких соболезнований, нет нужды. Не то что плакать не стану, но и вообще печалиться – скорее уж от радости буду плясать. Ну не получилось у меня с Катькой, не получилось. И хрен с ею, если по правде...

– И все же как-то...

– Ох, да не строй ты из себя! – досадливо поморщился Павел. – Я же говорю, с Катькой у меня все кончено. Если придет ей такая блажь – исполняй супружеский долг, благословляю. Я тебе потом расскажу кратенько, как там у нас обычно, что делает, чего делать не хочет... А Надюха... Я сам по себе, она сама по себе. Есть контакт? Нет контакта. Девке четырнадцать, вещь в себе, дни напролет по Интернету шарит, как наркоманка, сосуществуем, и только. Нет, дома все должно пройти гладенько. Опять-таки жалеть тебя будут, то бишь меня...

– Твоими бы устами...

– Ладно, хватит, – с некоторой властью поднял ладонь Павел. – Моральные препоны есть? Кажется, нет. Сумма устраивает? Кажется, да. Работа в принципе подходит. Нет, я не говорю, что тебе будет легко, и попотеть придется, и мозгами ворочать, и на нервах будешь... Все я понимаю. Только, брательничек мой дорогой, обеспеченное будущее стоит таких трудов, а? Честно заработал – честно получил.

Петр перевел дух. Ощущения, будто все это происходит в дурном сне, уже не было, но легонький приступ нереальности не отпускал. Кабанья голова равнодушно и тупо глазела на него со стены янтарно-желтыми бельмами. Пятьдесят тысяч долларов. Новая машина. Киру можно будет одеть, как куколку, да мало ли... Прав Пашка – это будущее. Обеспеченное, без унижительного привкуса бедности, никчемности.

Что удивительно, откуда-то из неведомых глубин вновь вернулся молодой азарт, с которым вроде бы расставался навсегда. Близнецы Савельевы через столько лет задумали оче-

редную хохму, превосходящую все прежние по дерзости по замаху. Сорок четыре года – это еще не старость, господа...

С улыбочкой наблюдавший за ним Павел нагнулся, похлопал по плечу:

– Помнишь «Принца и нищего»? Ведь любил ты когда-то товарища Твена, спасу нет...

– Я и теперь не разлюбил.

– Вот и отлично. Устроим переиздание бессмертного романа, братуха? По нашим наметкам?

– Устроим, – сказал Петр.

Павел длинно, шумно, с неподдельным облегчением вздохнул:

– Ф-фу... Семь потов сошло. Ну, выпьем за успех?

Глава вторая

Что-то с памятью моей стало

Они явно торопились уйти, хотя и просидели совсем недолго – трое мужчин, отмеченные всеми признаками преуспевания, от мобильников и впечатляющих перстней до невиданных Петром галстуков (правда, вопреки массе сочиненных оголодавшей интеллигенцией анекдотов никто из них не блистал малиновым пиджаком, никто не носил килограммовых золотых цепей и не гнул пальцы веером).

Заметно торопились, от них так и веяло брезгливой жалостью. Полное впечатление, что боялись подцепить некую заразу, которой тут было неоткуда взяться. Мешая друг другу, кинулись хлопать его по плечу, с ноткой растерянной фальши уверять: ерунда, Павлик, все образуется, платная медицина и не с такими казусами справлялась, вон и Семеныча ты сразу узнал, и меня помнишь, и физиономия поджила, и видок, в общем, посвежевший... В таком примерно духе. Петр механически кивал, отвечая что-то краткое, дежурное. Еще пара секунд – и за ними захлопнулась дверь.

Отвернувшись к окну и тяжело вздохнув, Петр в уме посчитал: седьмой, восьмой, девятый. Сегодня к нему наконец-то разрешили пускать посетителей. Сначала пришли трое, потом – двое и еще раз двое, теперь – эти трое... черт, сбился, десять получается, а не девять... Ерунда. Главное, ни одна из четырех компаний ничего не заподозрила. Соратники и партнеры, сытые капитаны шантарского бизнеса явились посочувствовать попавшему в беду собрату. Посидели на краешках мягких стульев, бормоча нечто сочувственное, но в глазах у каждого, право, так и полыхало примитивное любопытство, так и подмывало бухнуть: «Павлик, у тебя что, совсем память вырубил?»

Вслух, конечно, не спросили, люди воспитанные. Но глаза выдавали. Ну и наплевать. Экзамен, похоже, блистательно выдержал. Приходится признать, что Пашкины мозги дорого стоят – брательник рассчитал все отлично и оказался сущим пророком...

Тихонечко отворилась дверь, белая, бесшумная. Вошла Анжела, с утра выполнявшая при нем функции опытной и придиричливой секретарши, – черноволосая красоточка в белоснежном, довольно-таки бессовестном халате, открывавшем ножки на всю длину и облегавшем, словно купальник. За неделю Петр немножко привык к ее убойной сексапильности, но все равно по спине всякий раз пробегали жаркие мурашки, поскольку юная чертовка, усугубляя ситуацию, держалась так, словно участвовала в конкурсе на очередную мисс, а он был жюри: колыханье бедрами, взгляды-улыбочки... Подозрение, что под безукоризненным халатиком ничего и нет, все больше превращалось в уверенность. Поскольку никаких таких особых медицинских процедур, на исключение смены повязок и пластырей, Анжела с ним не уняла, Петр так и не смог представить ее за рутинной медсестринской работой.

Вот и сейчас, убирая в роскошный импортный холодильник очередную порцию недоступных простому смертному яств – дары только что исчезнувшей компании, – Анжела ухитрилась за пару минут четырежды ожечь его жарким взглядом трехдюймовых глазок, единожды словно бы невзначай задеть бедром, продемонстрировать фигурку со всех сторон и, наконец, без всякой необходимости поправить штору, грациозно взмыв при этом на цыпочки так, что «болящий» в полном смущении отвел глаза, обнаружив, что сравнение дамских трусиков с ниточкой есть не поэтический вымысел, а доподлинная реальность бытия.

Пашка заверял, что из всего медицинского персонала в курсе лишь доктор. Она и не подозревала, ручаться можно. Вот только что за всеми ее ужимками стояло – патологическое кокетство или... Очень может быть, что «или». Не зря братец сунул в карман тот конвертик, ох, не зря...

– Пожелания будут, Павел Иванович? – осведомилась белоснежная прелестница, глядя вовсе уж недвусмысленно.

– Да нет, – сказал он неловко. – Я подремать хочу...

– Бога ради. Если появятся... пожелания, нажмите кнопочку, – Ангела крутнулась на каблучках и вышла такой походкой, что не смотреть ей вслед было решительно невозможно.

Он вовсе не считал себя столь уж высокоморальным субъектом, при других условиях, очень может быть, и попробовал бы, выражаясь деликатно, воспользоваться ситуацией, как большинство мужиков на его месте. Будь он собой. Сейчас, когда он, собственно говоря, был не собой, а кем-то совершенно другим, любые поползновения казались чем-то стыдным. Словно украдкой хватаешь с вешалки чужую песцовую шапку вместо своего драного, замызганного кролика и торопишься уйти тишком...

Он остался один в своем оазисе уюта и благоденствия, как выяснилось, скрывавшемся в здании обычной городской больницы, – широкая полированная кровать, холодильник, телевизор, телефон, дорогие тяжелые шторы... В коридоре тишина, там скучает на стуле вышколенный охранник из Пашкиных легальных мордovorотов, там не пахнет пригоревшей кашей и карболкой – поистине, никаких больничных запашков. То ли крыло сие предназначено для «белой кости», то ли весь этаж.

Неделю назад, ночью, у него не было возможности спокойно рассмотреть больницу, куда его привезли, – на месте аварии рожу замотали бинтами так, что и видел-то одним глазом, вокруг каталки, пока его везли, суежилась куча ничего не подозревающего народа. А выходить в коридор потом как-то не тянуло – благо тут же, за второй белой дверью, как выяснилось, таился хоть и совмещенный, однако ж великолепный санузел.

Значит, вот так *они* изволят болеть. С Анжелой... И прочим, соответствующим.

Но зависти не было – скорее унылое удивление перед этим роскошно-сверкающим Зазеркальем, в которое он неожиданно попал.

Есть не хотелось – успел потешить душу деликатесами от пуза. Он закурил, присел-полуприлег в кресло. Все, кажется, прошло гладко. Петр так и не понял, как плечистый Митя ухитрился это провернуть, – артистически завалить джип в кювет, расхлестав его при этом так, что смотреть со стороны было жутко. При самой «аварии» он не присутствовал – привезли чуть позже, тот же Митя с Павлом, уже надлежащим образом подготовленного к роли жертвы собственного лихачества. Пятью минутами ранее в микроавтобусе с затемненными стеклами, стоявшем в тихом местечке неподалеку, врач сноровисто и качественно нанес Петру на лицо с дюжину царапин и порезов: как и обещали, неглубоких, но кровища всю физиономию выпачкала качественно. Напоследок Митя, с ухмылочкой извинившись предварительно: «Ничего личного, командир, служба...», двумя молниеносными ударами, жестокими и точными, вlepил синяк под глаз и разбил нос. Пережить все это, оказалось, в общем, легко – пустяки по сравнению с иными эпизодами из прошлого. Рассуждая цинически, следовало признать, что это не столь уж и тягостные неудобства на пути к вознаграждению в пятьдесят тысяч американских денег... Благо на этом все повреждения организма и заканчивались.

Деликатно постучавшись, вошел доктор Николай Петрович – с благородной проседью в висках и участливым взором. Эскулап был человечнейший и заботливейший – интересно, сколько все это Пашке стоило? – держался так, что Петр поневоле стал ощущать себя пупом земли. Разве что пылинки не сдувал с пациента. Доктор, разумеется, был полностью в курсе, но все равно ухитрялся держаться так, словно считал Петра доподлинным Павлом и ни о какой подмене не подозревал вовсе, и вообще резал Петру физиономию продезинфицированным скальпелем не он, а кто-то другой...

– Как себя чувствуете, Павел Иванович? – осведомился доктор с немыслимой степенью участия.

– Нормально, – кратко проинформировал Петр.

– Ну и прекрасно. Пора, я так думаю, покидать наше заведение. Медицина вам больше ничем помочь не в состоянии, сделали все, что в наших силах. Пора, пора... – послал он Петру значительный взгляд. – Самое время.

«Понятно», – подумал Петр. И сказал вслух:

– Ну, если вы так считаете...

– К чему вам у нас маяться? Завтра утречком сдадим с рук на руки родным и близким. Случай ваш, конечно, сложный и в чем-то для современной медицины до сих пор загадочный. Мы не боги-с, милый Павел Иванович... Основываясь на своем богатом опыте, должен предупредить: последствия аварии будут чувствоваться еще долго. Когда к вам вернется память в полном объеме, увы, сказать решительно невозможно. Боюсь, долго еще будете страдать провалами памяти... – он вновь одарил значительным взглядом посвященного. – Не огорчайтесь, когда-нибудь да и последуют позитивные перемены, вспомните все, подобно Шварценеггеру в известном фильме. Вашим сегодняшним посетителям я подробно объяснил ситуацию, они встретили с пониманием и сочувствием. Примерно через полчасика должна подъехать ваша супруга, я и с ней предварительно поговорю. Не беспокойтесь, постараюсь предельно ясно обрисовать ситуацию, она поймет...

– Уж постарайтесь, – попросил Петр искренне.

– Не беспокойтесь, медицина свое дело знает... Еще один нюанс, Павел Иванович. Тут к вам настоятельно просится Дарья Шевчук, известная милицейская дама...

– Я ее знаю? – спросил Петр напрямик.

– Ну, как сказать... Пару раз мимолетно общались по чисто деловым вопросам. Речь шла о сущих пустяках, так что вы и не обязаны эти беседы помнить в деталях, особенно в нынешнем вашем болезненном состоянии. Достаточно будет, если вспомните, что пару раз о каких-то пустяках беседовали... Пригласить?

– Ну, если это обязательно... – пожал плечами Петр.

– Если вам все равно, я бы порекомендовал лечь в постель. Не стоит показывать ей, что вы крепки, как молодой дуб, – скорее отвяжется. Вряд ли вам так уж необходимо точить с ней ласы...

– Да уж, – с чувством сказал Петр и быстренько нырнул под белоснежные простыни.

Доктор выскользнул за дверь и тут же вернулся в компании молодой женщины, рыже-волосой и чертовски симпатичной, в строгом сером костюме под запахнутым халатом. Указал ей на кресло – а сам не вышел, остался торчать рядом, многотерпеливо сложив руки на груди с видом надежды и опоры.

– Как вы себя чувствуете? – спросила рыжая с дежурной заботой. Петр пожал плечами:

– Как вам сказать... Почти нормально.

– К сожалению, провалы в памяти пока не восстановлены, – веско добавил врач, – во множестве наличествуют.

Она покивала:

– Да, вы уже говорили... Павел Иванович, простите, ну, а меня вы помните?

Он старательно наморщил лоб:

– Да. Вы из милиции, Шевчук, Дарья... отчества никак не могу вспомнить.

– Андреевна.

– Да, действительно... Мы с вами виделись, кажется, раза два. Речь шла о каких-то пустяках... Не могу припомнить.

– И не утруждайтесь, – махнула она рукой. – Не стоят того пустяки. Вот видите, во всем, что касается меня, вроде бы никаких провалов. Загадочная все-таки вещь – медицина. Отец меня на заре туманной юности пытался отправить в медицинский, я наотрез отказалась

и, скорее всего, правильно сделала... Павел Иванович, вы разрешите задать вам несколько вопросов? Медицина это допускает?

– Я не знаю, как... – сказал Петр и показал глазами на доктора.

Тот важно склонил голову:

– Только не усердствуйте, голубушка.

– Вы помните все, что произошло?

– Местами, – осторожно сказал Петр. – Полосами, этакая зебра... Вы лучше задавайте конкретные вопросы.

– Можно? Отлично... – рыжая выдержала небольшую паузу. – Это была ваша идея – сесть за руль и куда-то поехать без сопровождения?

– Да, – твердо сказал Петр. – Устал, заработался, вот и хотелось проветриться. За город выбраться...

– Значит, вы сами решили? Никто не подсказывал, не настаивал?

– Никто.

– Твердо помните?

– Твердо.

– И потом...

– Вот тут и начинаются полосы, – сказал Петр, придерживаясь заранее разработанного сценария. – Насколько помню, машин на шоссе не было, дорога хорошая, сухая, и я притоптал газку... Так вроде бы смутно припоминается, что не вписался в поворот, руль не повернул на самую чуточку...

– Насчет того, пили ли вы, не спрашиваю. Смотрела уже данные экспертизы, вы были трезвехоньки, образец дисциплинированного водителя... С вами в машине и правда никого не было?

– Никого.

– А кто же вызвал «скорую» и инспекцию?

– Вот этого уж я не знаю, – сказал Петр. – Кто-то мимо проезжал, надо полагать.

– Но вы сами никого не видели?

– Нет. Я так и валялся, когда они подъехали...

– Почему же ваш благородный спаситель не подождал?

– Откуда мне знать? Мало ли какие у человека бывают в жизни обстоятельства.

– Ну, например? – быстро спросила она.

– Мало ли... – повторил Петр, – с чужой женой, скажем, ехал. Или выпил немножко и боялся, что унюхают или попытаются его самого к аварии пристегнуть...

– Логично. Значит, никого с вами не было... И никакая другая машина вас не подрезала? Не вызвала аварию своими маневрами?

– Не было других машин, – сказал Петр. – Дорога была пустая, как Луна.

– Теперь попытаемся сформулировать новый вопрос... Если бы вы не сели за руль, кто поехал бы на этом джипе?

– Да никто, по-моему, – чуть подумав, выбрал Петр самый надежный вариант ответа, при котором никого не требовалось припутывать. – Стоял бы себе в гараже.

– А кто поехал бы на нем завтра? Дмитрий Елагин?

– Затрудняюсь вам и сказать, – очень натурально пожал он плечами. – Может, Елагин. А может, и я. А может, благополучно простоял бы в гараже неделю. Джип этот у нас, собственно, был разъездной машиной...

– Но ездил-то на нем главным образом Елагин?

– Ну да. И я.

– Елагин и вы, вы и Елагин... – рыжая, казалось, о чем-то сосредоточенно думает. – Как у вас с ним складывались отношения?

– Нормально. Я им доволен. Парень старательный.

– Вы сказали – «разъездная» машина. А куда она обычно разъезжала? Какой-то определенный круг обязанностей или – без руля и без ветрил, куда погонят?

Рыжая красотка и понятия не имела, конечно, что именно этот круг вопросов Пашка обговорил с ним подробнее...

– Скорее уж – определенный круг обязанностей, – сказал Петр. – Обычно на этом джипе Митя возил супругу на работу, дочку в школу. По магазинам, когда моим дамам понадобится, в аэропорт – когда приезжали мои близкие знакомые или особо ценные партнеры... Примерно так это выглядело.

– Понятно... Вы, стало бы, Елагиным довольны... А ваши дамы?

– Без претензий.

– Так... Положительно, я что-то пока не нахожу следов тех самых провалов в памяти...

– Зато в других областях их предостаточно, – басом сообщил доктор.

– Ну что ж... Павел Иванович, можно, я задам вам парочку неприятных вопросов?

– Извольте.

– Вам не угрожали в последнее время? Какие-то конфликты, недоразумения?

– Ничего подобного, – твердо сказал Петр.

– Уверены?

– Уверен.

– Но вы же далеко не все помните... «Зебра»?

– Насколько я помню, не было ни угроз, ни, как вы выражаетесь, конфликтов.

– Решительно никаких?

Разговор начинал его тяготить – Петр искренне не понимал, куда она клонит.

– Послушайте, – сказал он, – у меня, действительно, мозги в каком-то смысле перемешались. И чувствую я себя не особенно бодрым. Вас что-то конкретное интересует?

– Нет, я так, вообще...

– А в чем, собственно, дело?

– В чем? – казалось, какое-то время она что-то для себя решала и взвешивала. – Видите ли, Павел Иванович, тормозные шланги вашего джипа оказались подрезанными. Довольно мастерски все было проделано, так, чтобы при нормальной езде это ничем себя не проявило, но вот при резком торможении... Каковое как раз и имело место, судя по моей беседе с инспектором...

– Чушь какая-то, – пожал он плечами.

«Лопухнулся Митька, – подумал он с неудовольствием. – Что-то в этом роде он и должен был устроить, Пашка говорил... но кто же мог предвидеть, что менты станут исследовать каждый винтик? Вот тут Пашка чего-то недодумал... Ничего, не смертельно».

– А вы не ошибаетесь? – спросил он равнодушно.

– Боюсь, что нет. Это не последствия аварии, а именно – подрезы. Мастерски сделанные. Сталкивалась я уже с подобным. Теперь понимаете? Конечно, не следовало бы выкладывать вам все это сейчас, когда вы еще не отошли... Но разговор у нас без протокола, чисто приватный, и я позволила себе... Вы учтите эти обстоятельства, Павел Иванович. Кто-то подрезал джиперу шланги, никаких сомнений. И это отнюдь не безобидная история, вы чудом не угробились... Не возражаете, если я в ближайшие дни появлюсь у вас на фирме?

Он посчитал нужным сделать крайне недовольную физиономию – какую, есть сильные подозрения, и состроил бы Пашка:

– А есть ли в этом необходимость?

– Па-авел Иванович... – подняла она брови в наигранном удивлении. – Как-то очень уж легко вы к такому относитесь. Когда человеку кто-то неизвестный внезапно подрезает

тормозные шланги, это всегда именуется скучным канцелярским термином «покушение». Неужели нет?

На миг он был сбит с толку. Черт, как *Пашика* вел бы себя в такой ситуации? Вдруг как раз озабочился бы до чрезвычайности, занервничал? Этот аспект они не отрабатывали. Кто ж мог знать, что милиция окажется столь дотошной и заявится эта вот рыжая?

– Ну, похоже... – протянул он, отчаянно пытаясь подыскать линию поведения.

– Не «похоже», а именно покушение, – решительно сказала рыжая. – Согласитесь, нужно принять меры. Для вашей же пользы.

– Ладно, – кивнул он. – Но вы же начнете дергать зря людей, вынюхивать...

– Ох, Павел Иванович... – сказала клятая Дарья. – Может, кто-то и решит, что вы после аварии изменились, но лично я никаких изменений не вижу, вы со мной держитесь в точности как в те разы...

«Слава те, господи!» – ликующе воскликнул он про себя. Уж если эта въедливая баба ничего не заподозрила...

– Не беспокойтесь, – заверила она. – Все будет проделано с максимальной деликатностью. Есть методы... Вот моя визитка, созвонимся?

Он мрачно кивнул.

– Желая побыстрее выздороветь, – сказала Дарья и гибко выпрямилась. – Всего наилучшего!

Доктор провел ее к двери, каковую галантно и распахнул. Оставшись в одиночестве, Петр изучил визитку. Оказывается, рыжая гостья пребывала ни много ни мало в майорском звании и оказалась не рядовым инспектором, а заместителем начальника уголовного розыска города. Дернул же их черт, принесло же ее... Теперь примутся со всем рвением расследовать мнимое покушение. Ладно, это, по большому счету, Пашкины заботы...

Думать о милицейских проблемах не хотелось. Он вновь с той же саднящей неуверенностью вспомнил о Кире. Телефонный разговор за Пашкин счет затянулся на полчаса – и все равно Петр знал, что отношения остались на прежней позиции. Может быть, да, может быть, нет. Кира – и то хорошо – без обычного утонченного сарказма выслушала скроенную на живую нитку историю про то, как он вынужден исчезнуть на пару месяцев, чтобы гарантированно заработать нехилую денгу на будущее семейное обустройство. А вот потом начались обычные головоломки-хитросплетения. Она до сих пор не уверена, что стоит пробовать закладывать этот самый фундамент законного брака, она постарается в десятый раз все обдумать... Поскольку она пуганая ворона... Поскольку он, обжегшийся на молоке... И так далее. Пластинка знакомая.

Ну, главное, не поссорились. Это уже кое-что. И придется теперь на все время «операции «Ы», «забыть о звонках и письмах – Пашка этого требовал жесточайшим образом. Конспиратор... А впрочем, он прав. Так лучше...

– Павел Иванович...

– Да? – вскинулся он.

Бесшумно вошедший доктор сладко улыбался:

– Пришла ваша супруга с падчерицей.

Я с ней говорил долго, похоже, удалось убедительно объяснить ваше нынешнее состояние и все возможные сложности, из него проистекающие. Ничего, не беспокойтесь. Супруга ваша все воспринимает правильно, обещала ничему не удивляться и отнестись с максимальным тактом... Э, голубчик, соберитесь...

– Все нормально, – сказал Петр, бухаясь в кресло. – Зовите.

Вот это и было настоящее испытание, в подметки не годившееся прежним. Женщины – существа чуткие и проницательные. Интересно, Кира догадалась бы, окажись Пашка на его месте с подобной же легендой?

Они вошли, мама и дочка, очень похожие, русоволосые и сероглазые. Даже светлые брючные костюмы, есть стойкое подозрение, то ли шились в одной мастерской, то ли происходят из одной коллекции. Прежде всего в глаза ему бросилось ожерелье на Катиной шее – положительно, Пашка не жмотничал, бриллианты впечатляли...

А потом он посмотрел ей в лицо, в глаза.

И понял, что гибнет. То ли солнечный удар, то ли молния.

Потому что это была женщина его мечты.

Женщина твоей мечты – создание мистическое, сюрреалистическое и никакому логическому разумению не поддающееся. Ты никогда не можешь в точности описать ее, пока не встретил, не познакомился. Не знаешь, понятное дело, как она выглядит, какие у нее глаза, волосы, походка. Просто-напросто ты однажды сталкиваешься с ней нос к носу – не суть важно, среди шумного бала или в тревоге мирской суеты – и понимаешь, что это она и есть...

Именно так с ним и произошло, когда он увидел Катю. Все тревоги и нехорошие предчувствия вылетели из головы. Глупости эти сейчас не имели значения. Это была женщина его мечты, и точка...

Он сидел в кресле, отчаянно пытаясь справиться с мыслями и выдавить из себя хоть одно приличествующее случаю словечко, а русоволосая сероглазая Катя стояла перед ним в явном замешательстве, неловко держа перед собой огромный прозрачный пакет, битком набитый всякими яствами, – а в глазах у нее, сильное подозрение, поблескивали слезинки. Даже не поймешь, чего в ее взгляде больше – облегчения или усталого горя...

Так бы эта немая сцена и тянулась вплоть до полного тупика, но обстановку неожиданно разрядила юная «падчерица» – она-то как раз, судя по виду, тягостными мыслями не маялась, а попросту таранилась на Петра с безжалостным любопытством молодого веселого зверька. Сразу видно было, что создание это – ехидное, ужасно самостоятельное и балованное. Старательно шаркнув ножкой, юная особа присела:

– Здравствуйте, папенька!

– Надя! – чуточку нервно прикрикнула Катя.

– Да пустяки, – сказал Петр, придя немного в себя. – Пусть себе самоутверждается, я в ее возрасте тоже был не подарок... – Он встал, стараясь не двигаться чересчур уж живо, осторожно вынул у Кати из рук целлофановый рог изобилия. – Зря ты это, мне столько натащили всего... Садитесь. Что тебе доктор наговорил? Катя, со мной в порядке... ну, почти.

Она сидела напротив с тем же трудноопределимым выражением на прекрасном личике – то ли плакать собиралась, то ли со всем облегчением вздохнуть. Наденька, на ленинский манер засунув большие пальцы в кармашки светлого пиджака, прохаживалась по обширной палате и, судя по всему, чувствовала себя абсолютно непринужденно, в отличие от скованно сидевших взрослых индивидуумов. Пощелкала пальцем по экрану телевизора, потрепала обивку кресла:

– Рада вас видеть в добром здравии, папенька. Медсестрички тут у вас, надо сказать, впечатляющие. Из «мисок», поди, набирали?

– Надежда!

– Катя, да оставь ты ее, – сказал Петр, внезапно ощутив прилив уверенности. – Пусть дите порезвится. И не смотри ты на меня так трагически, я тебя умоляю. Все в порядке. Местами чуточку отшибло память, но в основном – бодр и свеж. Ну, улыбнись.

Она попыталась улыбнуться, кое-как получилось.

– Ого! – бросила Наденька у него за спиной. – Разговор принимает романтический оборот... Может, мне вас покинуть на часок, пока вы тут пообщаетесь? Маменька, папенька по тебе определенно стосковались, вон как глазищами пожирают...

Катя отчего-то легонько покраснела. Петра и самого бросило в жар – черт, до чего глазастое дите...

– Все нормально, Катя, – сказал он как мог солиднее, – завтра обещали выписать.

– Вот радость-то... – тихонько пробурчала за спиной Наденька.

«А ведь у Пашки, сдается, непростые отношения с этим киндером, – подумал Петр. – Отголоски чувствуются. Впрочем, это уже и не киндер вовсе, девушка прямо-таки, четырнадцатилетние нынче – существа акселерированные».

– Не язви, Надежда, – сказал он, не оборачиваясь. – Оба мы с тобой не подарки, не отмахнуться от этого факта... что ж делать? Сосуществовать...

– Положительно вы, папенька, помягчили к ближним... – бросила дерзкая отроковица.

– А иди-ка ты погуляй, дитя природы, – сказал Петр. – Там, из коридора, проспект видно, машины ездят и люди ходят, пейзаж... Давай-давай, нам с матерью поговорить нужно.

– В самом деле, Надя... – обрадованно подхватила Катя.

– Слушаю и повинуюсь, – фыркнула девчонка, исчезая за дверью.

Петр вздохнул не без облегчения. Катя порывисто встала, пересела на широкий подлокотник его кресла и крайне осторожно попыталась его потрогать.

– Глупости, – сказал он, замирая от прикосновения теплых ладоней. – Ничего не сломано, ничего не разбито. В памяти только провалы там и сям, но это пройдет, образуется...

– Врач мне подробно объяснял... Господи, ну зачем тебя туда понесло... – она отстранилась, оглядела его, прижалась к плечу, прильнула, засыпав его лицо распущенными волосами. – Недельку к тебе не пускали, я думала, они врут, что все нормально, всякое передумала...

Было в ее движениях и словах что-то странное – словно бы и пыталась дать волю чувствам, и боялась. Положительно, некая скованность присутствовала, Петр ее отчетливо чувствовал.

Он замер в Катиных объятиях, ощущая и радость, и стыд: все это предназначалось другому. И бессвязное обрадованное лепетание, и сомкнувшиеся на шее руки. И быстрые поцелуи, и неуловимо-нежный аромат незнакомых духов. От этого стало особенно горько. Все было не его.

Но сейчас-то он был Пашка... Приходилось поглаживать ее по плечам и уверенно говорить что-то в ответ, успокаивать, пьянея от женщины своей мечты... Бог ты мой, как получилось, где он ее встретил? Почему ее встретил он, Пашка, которому все удавалось?

– Нет, правда, все в порядке?

– Хочешь, цыганочку спляшу? – усмехнулся он, сдув со щеки прядь русских волос, щеко-тавших ноздри. – С выходом?

– Не надо, вдруг тебе еще нелзя... – всерьез испугалась она.

– Все мне можно, – сказал Петр.

Она внезапно напряглась, отстранилась и заглянула в лицо:

– Что, хочешь...

– Что? – не понял Петр.

Она оглянулась через плечо на широкую смятую постель, глядя с немым вопросом, неуверенно пошевелила плечами, снимая легкий незастегнутый пиджак.

– Не надо, – заторопился Петр, до которого только сейчас дошло, и в виски бросилась жаркая волна. – Я не в том смысле...

И со стыдом понял: еще пара секунд – и не стал бы ее останавливать. Даже просто смотреть на нее нельзя было спокойно. Прямо-таки взвыл мысленно – как жить с ней в одной квартире, день и ночь? Пашка говорил, и всерьез... но разве так можно? Дело даже не в том, что это Пашкина жена. Главное, на нем сейчас личина... Чужая шкура. Роскошная, но сути дела это ничуть не меняет...

– Ко мне приходили из милиции, – сказала Катя. – Этакая рыжая майорша. Сегодня утром.

– Шевчук?

– Да, кажется... Паша, что-то случилось? Что-то не в порядке с... аварией?

– Вроде бы нет, – сказал он насколько мог безмятежнее. – О чем она, собственно, спрашивала?

– Кто обычно ездит на джипе... ездил, точнее. Не собирался ли ты увольнять Митю...

– Ну-ну? – поторопил он, расслышав легкую заминку.

– Сердиться не будешь?

– Ох, да что ты...

Катя решилась:

– Очень деликатно, но пыталась выяснить, не... кокетничала ли я с Митей. Я ответила грубовато, но чистую правду...

– Что – нет?

– Ну конечно, а как же иначе? Паша, это чистая правда...

– Господи, ну а кто в тебе сомневается? – сказал Петр, глядя ее по плечу.

Вот, значит, какие зигзаги выписывает пытливая милицейская мысль. Жена босса кокетничала с шофером, и он, стервец, из ревности подрезал шланги... В общем, не так уж глупо для людей, не знающих потаенного смысла «аварии». Где-то даже логично...

– Паша, там что-то...

– Да нет, чепуха, – сказал он веско. – Они нынче дерганные и пуганные. Если бизнесмен, если авария и вдрызг разбитая машина – значит, покушение... Вздор. Помнишь, чтобы на меня когда-нибудь кто-то покушался? То-то. Катюша, успокойся. Завтра меня выпускают, и все будет в порядке.

Он поднял голову и заставил себя поцеловать ее в щеку вполне привычно, как и подбаивает супругу с четырехлетним стажем. Катя замерла в его объятиях, тихонько тяжело вздохнула.

... Когда она ушла, Петр, воровато оглянувшись на дверь, прошел к холодильнику и достал плоскую бутылочку коньяка, подsunутого одним из «друзей». Набуровил себе в стакан граммов сто и жажнул.

Интрига оборачивалась совершенно неожиданной стороной. Катя что-то бесповоротно изменила в нем, что-то то ли сломала, то ли, наоборот, породила. Он не находил себе места и знал, что это не пройдет ни к утру, ни вообще.

После деликатного стука заглянул доктор, но Петр решительно поднял голову:

– Вы можете меня сегодня больше не беспокоить?

– Конечно, конечно, голубчик... – покладисто отозвался доктор, исчезая за дверью.

И сразу же, словно получив некий сигнал, вошла Анжела. Одним пальцем нажала кнопку замка, отрезав палату от внешнего мира, танцующей походкой приблизилась к постели и тоном обиженной девочки протянула:

– Павел Иванович, чем я вас прогневила? Даже не смотрите...

– Да ничем, господи... – где-то даже растерянно сказал Петр, соображая, что подтвердились и эти подозрения.

– У меня даже мелькнуло жуткое подозрение, что вы и меня забыли, когда головой стукались...

– Ну, разве тебя забудешь? – бухнул он первое, что пришло в голову из нехитрого арсенала ловеласов.

И, кажется, попал в точку. Прелестница прямо-таки расцвела, подошла и непринужденно присела на краешек постели, закинула ногу на ногу прямо у него под носом, захватила двумя пальцами мочку его уха, уставилась с такой улыбочкой, что Петр ощутил себя совращаемой школьницей. «Ну, Пашка, – подумал он, – ну, жук. Неплохо устроился».

Девчонка, глядя ему в глаза, достала из кармана халатика блестящие ножницы, подала, держа за кончики лезвий. Встала, закинула руки за голову, сцепила пальцы на затылке, поглядывая выжидательно.

«Влип, – пронеслось у него в голове. – Что-то это должно значить. Что-то конкретное надо делать, повторяя вслед за Пашкой, – вот только что?»

На ее смазливом личике крепло недоумение.

– Слушай, что-то я... – произнес он осторожно.

– Нет, правда забыли? – округлила она глаза. – Павел Иваныч, бедненький... Вспомните. Можно с пуговиц начать, можно халатик покромсать, как вы любите. Вы начинайте, руки сами вспомнят... Времени у нас предостаточно.

Он встал с постели и, чувствуя себя совершеннейшим идиотом, выразительно покачал сверкающими ножницами.

– Ага, – безмятежно поощрила Анжела, закинув голову и опустив длинные ресницы. – Вот видите, вспоминаете... Не робейте, там, в шкафу, этих халатов...

Вот это ситуация. Отказаться – Пашку подведешь, вряд ли он страдал нерешительностью в таких вот случаях... Осторожно примерившись, Петр состриг верхнюю пуговицу, беззвучно упавшую на мягкий ковер. На миг приоткрыв глаза, Анжела лениво, поощряюще улыбнулась:

– Вот, вспоминаете... Павел Иваныч, что вы сегодня такой робкий? И не узнать. Кромсайте в лохмотья, я потом уберу...

Выругавшись про себя, он стал состригать по одной оставшиеся пуговицы, сверху вниз. Ножницы оказались наточенными на совесть, то, что представало взору, заставляло мысли сворачивать на избитую колею привычных мужских рефлексов, и понемногу в руках обьявилась такая небрежная ловкость. Однако же, развлеченьца у брата... И ведь стоит, кукла, как манекен, только улыбается и глазами стрижет...

Старательно следя, чтобы не поцарапать гладкую кожу, двумя движениями лезвий разделался с узенькими черными трусиками. Страхнул с нее распахнутый халат, чуточку неуклюже притянул к себе – и то ли он ее завалил в постель, то ли она его отработанно завалила. Скорее уж второе.

Очень быстро он понял, почему в предназначенный для Анжелы конвертик Пашка сунул аж триста долларов. Юная медичка того стоила – кое о чем из того, что с ним раскрепощенная стервочка вытворяла, и слышать не доводилось. Содрогаясь от удовольствия, он впервые подумал, что быть Пашкой очень даже неплохо. А потом умелый язычок устроил такое, что все думы напрочь отшибло.

Он понимал, что за всеми этими изощренными кувырканьями пытается забыть, выжечь из памяти Катю. Но прекрасно знал, что ничего не получится: завтра он переступит порог и встретит ее взгляд...

Глава третья

Тепло родного очага

Больничные стены он покинул в первой половине дня без всякой ненужной торжественности.

После одиннадцати приехала Катя, вызвав в его смятенной душе прежние чувства, сравнимые то ли с солнечным ударом, то ли с ударом молнии. Слава богу, с ней не было злоязыкой «дочки», которую Петр, если откровенно, тихонько побаивался, – язычок, уже стало ясно, без костей, еще ляпнет принародно и простодушно, что «нынешний» папенька и в том, и в этом совсем не похож на «прежнего»; никому, конечно, и в голову не придет сомневаться, но у него-то самого нервишки долго будут позванивать, как туго натянутые струны.

Катя выглядела то ли удрученной, то ли встревоженной. Петр не мог определить причину. Их провожали Анжела (с совершенно невинным видом) и почтенный доктор (с видом героя медицины, совершившего то ли пересадку сердца, то ли замену головы по методу профессора Доуэля). Петр попрощался с ними без всякой душевной теплоты, торопясь побыстрее покинуть уютное узилище. Оказалось, здесь имела и особая лестничная площадка, для «випов». Они спустились с третьего этажа и вышли в небольшой тихий дворик, где их поджидали черная «тойота» с Елагиным за штурвалом и черный «мерседес», имевший честь перемещать по Шантарску господина Павла Ивановича Савельева. Возле распахнутой задней дверцы «мерса» стоял Земцов, и еще двое его мальчиков с видом настороженной готовности торчали у третьей машины, бежевого «пассата», надежно блокировавшего проезд под аркой.

– Это мне определили вместо... джипа, – сказала Катя, кивнув на «тойоту». – Косарев быстренько расстарался, проявил инициативу. Мне же на работу пора, дел невпроворот. Отпроситься, конечно, ничего не стоит, но ты же сам настаиваешь...

Загадка, на которую Петр пока что не нашел ответа: почему Пашка, символ у стоявшего с я благополучия, в общем, не ввергнутый в уныние историческим августом, прочно стоит на том, чтобы Катя работала? Ну, предположим, местечко в одном из комитетов областной администрации никак нельзя назвать ни каторгой, ни просто тяжелой повинностью, и все равно... Никакой пользы для Пашкиных бизнесов в Катиной службе вроде бы не просматривается вовсе. Тогда не было случая спросить – и без того информации, которую следовало прочно запомнить, свалилось столько, что мозги плавилась...

Он неловко замешкался. Вот и нечто из разряда первых проколов. Совершенно не проработана тема, оказавшаяся вдруг важной: *как* он должен с Катей мимолетно прощаться? Нежно чмокнуть в щечку? Или что?

Решив не бросаться в опасные и чреватые импровизации, он попросту сказал насколько мог веселее:

– Ну, что делать, езжай трудись на благо общества...

Похоже, Катя про себя облегченно вздохнула. Улыбнулась ему и села в «тойоту». Петр же направился к черному приземистому зверю, прославленному в анекдотах о дорожных битвах его с «запорожцами».

Земцов, сев рядом, захлопнул дверцу. Покосившись на его маловыразительный профиль, Петр кратенько прокрутил в уме соответствующую справку: Кирилл Степанович Земцов, бывший майор КГБ, начальник службы безопасности Пашкиной мини-империи. Хваткий, не дурак. Обращаться можно с грубоватой фамильярностью, но излишне давить на самолюбие не стоит – горд, хотя гордыню, как человек, вполне освоившийся с новыми реалиями, прячет весьма глубоко...

– Павел Иванович... – с места в карьер начал Земцов нейтральным тоном.

– Да, товарищ Андропов, – употребил Петр обычный Пашкин оборот.

– Простите, но мы не раз говорили на эту тему... Подобные выходы рано или поздно должны были закончиться плачевно, и слава богу, что все именно так обошлось...

– Понятно, – сказал Петр, ощущая тягостную неловкость: не было на нем никакой вины, но ведь не скажешь все как есть...

– В следующий раз может и не обойтись. Павел Иванович, поймите вы, что я так не умею. Если мне платят деньги, я обязан их отрабатывать. Методики по безопасности составлялись отнюдь не дураками. Они либо исполняются от сих и до сих, либо не исполняются вовсе. Нет тут середины. Правда, вы упорно пытаетесь доказать обратное, а это плохо в первую очередь для вас...

– Давай замнем, Степаныч, – сказал Петр решительно. – Говорю тебе по-мужски – больше не повторится. Бля буду.

– Извините, Павел Иванович, это касается только крайних случаев или общей тенденции?

– То есть?

– Я имею в виду, вы по-прежнему будете срывать с я от охраны? Понятно, что в некоторых случаях, безусловно, не стоит компрометировать дам... но можно хотя бы предупредить в общих контурах... Чтобы я не ломал голову, куда вы девались. И мог выстроить простейшие меры предосторожности... ничуть не ущемляющие вашего права на личную жизнь.

– Понятно, – повторил Петр, решительно не представляя, о чем идет речь, хотя примерно соображавший, куда это Пашка девается, скрывшись от охраны. – Знаешь, Степаныч, трудно перестроить сразу все. Давай пока договоримся, что я больше не буду устраивать крайностей... а насчет остального вдумчиво проработаем потом. Идет?

Земцов примирительно пожал плечами. Ну, кажется, общение с главным цербером прошло без сучка без задоринки...

Ехали недолго. Вышли из машины в квадратном дворе добротной сталинской пятиэтажки, занимавшей целый кварталчик прямо напротив внушительного здания областного УВД-ФСБ. Насчет квартиры брательничек поднатаскал как следует. Рисовал планы, втолковывал... Он в свое время, не мудрствуя особо, купил все три квартиры на последнем этаже, отгородился от общей лестницы персональной железной решеткой, выкрашенной в приятный для глаза нежно-салатный цвет, пробил между квартирами двери, устроил ремонт с перепланировкой – и получились хоромы, даже на корявом Пашкином чертежице способные повергнуть в тихую зависть отставного армеута... При хоромках – помещеница для постоянно обитавшей там горничной и дежурного охранника. Все предусмотрено: безопасность, комфорт, челядинцы...

Земцов самолично проводил его до двери – кодовый замок на решетке Петр открыл в две секунды с помощью зазубренного кода. Помялся:

– Павел Иванович, рыжая твердо намерена поболтаться по конторе...

– И пусть болтается, – легкомысленно сказал Петр. – Мы с ней в этом вопросе достигли консенсуса. Чем бы дите ни тешилось...

– Простите...

– Да?

– Павел Иванович, в этой аварии действительно нет ничего, чем мне стоило бы заниматься?

«Опять эти шланги, – мысленно матернулся Петр. – Пашка с Елагиным топорно сработали, а мне расхлебывай теперь...»

– Абсолютно ничего, – сказал он твердо. – Глупости. Менты что-то намудрили, что-то им померещилось насчет шлангов...

– Значит, и моим людям померещилось?

– Вот именно, – тоном, отмечающим дальнейшие дискуссии, отрезал Петр, нажал кнопку звонка (потому что Пашка обычно не утруждал себя возней с ключами). – До завтра, Степаныч. Сегодня мне эскулап порекомендовал отлежаться, так что пусть уж концерт денек обойдется без меня... Честь имею.

И решительно шагнул в прихожую мимо торопливо посторонившейся горничной, деликатно захлопнувшей дверь под носом Земцова. Снял туфли, переступил с ноги на ногу, чувствуя себя чуточку неуклюже в чужой одежде. Костюм был не раз надеванный, но – Пашкин, они, не различаясь обликом, все же различались чуточку весом и размером талии, еще какими-то неуловимыми мелочами, так что оставалось стойкое ощущение неудобства...

Спохватившись, широко улыбнулся горничной. Она была чертовски эффектна – фигуристая блондиночка в кружевном передничке и наколке в волосах, вот только короткое платьице было не классически черным, а красным в белый горошек. Еще одна из неисповедимых Пашкиных причуд, во время скрупулезного инструктажа, конечно же, не подвергавшаяся обсуждению...

В башке снова щелкнула картотека. Марианна, обращаться с прибаутками-фамильярностями, ежели наедине, сохранять пресловутую английскую корректность, ежели при Кате. Напоследок Пашка, ухарски подмигнув, сказал: «Хозяин-барин». И ухмыльнулся очень уж двусмысленно. Но и здесь они не углублялись в нюансы...

«Вот на этом и сыплются шпионы, – мрачно подумал Петр. – Если верить романам и мемуарам. Вдолбили ему в башку массу деловой информации, языку обучили, акцент уроженца конкретной местности поставили, названия улиц перечислит без запинки, депутатов парламента помнит всех до одного, в расписании пригородных автобусов отлично ориентируется, но понятия не имеет, скажем, как себя вести с уличным продавцом мороженого или местным водопроводчиком, не знает, можно ли лизать марку, чтобы наклеить ее на конверт, или для данной страны поступок такой сродни публичному отправлению малой нужды... На мелочах сыплются».

– Какие будут распоряжения, Павел Иванович? – осведомилась эффектная Марианна, блестя зубами и играя глазками.

– Никаких, – сказал он, глядя в сторону, – разве что – кофе в кабинет. Я отдохну, постараюсь не беспокоить...

Она поняливо кивнула и, грациозно повернувшись, исчезла за дверью из натурального дуба. «На кухню отправилась», – машинально констатировал Петр. И, сопоставив в уме Пашкины чертежи с реальной квартирой, направился в «свой» кабинет. Кабинет, разумеется, впечатлял. Книжные полки из светлого лакированного дерева, роскошный стол в тон, столик для компьютера, сабли на стене...

Всю эту солидную роскошь он оглядел лишь мельком. Внимание тут же привлекло другое – огромная картина на стене. Он прямо-таки замер – об этом Пашка его не предупреждал.

На темно-зеленом фоне густого, угрюмого леса торчал толстый, коричневый пенёк с напоминавшим спинку кресла отщепом, и на нем сидела обнаженная Катя, нарисованная почти в натуральную величину. Русые волосы спадали на плечи живописными волнами, Катя выглядела совершенно спокойной, глядя даже с некоторым лукавством, уютно расположив руки на толстых сучьях, игравших роль подлокотников, сдвинутые стройные ноги покоились на шкуре неведомого зверя – непринужденная, грациозная поза, все открыто нескромному взору, кроме главной женской тайны. Невыразимо прекрасная русалка, хозяйка леса.

А рядом с ней лежал непонятный зверь, больше всего похожий на тигра, только светло-коричневый, без полос, приподняв огромную голову и обнажив кривые клыки, всматривался в Петра с видом свирепой уверенности в том, что именно за ним, зубастой бестией, всегда

останется последнее слово, – если только уместен такой оборот при описании бессловесной зверюги.

Петр засмотрелся. Любовался женщиной своей мечты, забыв обо всем на свете. Когда раздалися шаги горничной, с трудом очнулся от наваждения, неловко отвернулся от огромной картины. Вышколенная Марианна и бровью не повела. Опустила на стол поднос, постояла пару секунд и, не получив распоряжений, вышла. Налив себе чашечку кофе, Петр присел в кресло, но тут же переменял позу, вновь уставился на яркое, сочно прописанное в стиле Васильева или Валеджио полотно – картина притягивала, прямо-таки завораживала, и в сердце сидела томительная заноза. Давненько не терял голову, но сейчас, похоже, именно это с ним и произошло. Пашка все же большой оригинал – держать такое в кабинете, где, надо полагать, случаются деловые встречи... Чутьочку пуританская душа армейца смущенно похихикивала. Рисовал настоящий мастер, конечно, даже далекий от живописи субъект в состоянии это сообразить. Интересно, есть в этом какая-то потаенная символика, продиктованная заказчиком, или любая перекличка со старым многоликим сюжетом о Красавице и Чудовище – не более чем случайное совпадение?

Он долго сидел, держа в руке опустевшую чашку, понимая, что погиб окончательно. Чужая красавица спокойно и лукаво смотрела на него со стены, и тонкие пальцы ее правой руки лежали на лобастой башке дикой твари из дикого леса. Петр вдруг поймал себя на том, что не может определить, кто из двоих кем командует. На первый взгляд кажется, что истина незамысловата, что художник изобразил лесную царицу, дриаду, фею, но, подольше присмотревшись, начинаешь подмечать словно бы затаенную ухмылку зверя-хозяина, а в фигуре обнаженной безмятежной женщины вроде бы читается скованность... Или попросту сам себе пытаешься внушить, что дело обстоит именно так: потому что тебе хочется ее жалеть, представить пленницей грубой скотины, страдающей в заточении принцессой. А эти мысли могут завести на кривые, неподобающие дорожки...

Он сердито встал, налил еще чашку и перебрался к компьютеру, каковой был полной противоположностью волнующей картины, – никакой тебе лирики, железный технизм, тупая машинная логика, плюс-минус, ноль-единица...

Уверенно нажал несколько клавиш. Компьютер был довольно новый и мощный – «ВИСТ», с отличной «мышкой», но, Петр определил сразу, не подключенный к «паутине». Никаких следов модема и процессора. Пашка, однако, хвастался, что запросто шарит по Интернету. Значит, не отсюда.

Петр, старательно не поворачиваясь лицом к картине, довольно долго возился с компьютером, перепробовал все дискеты, стоявшие тут же в белоснежной пластиковой коробке, но не обнаружил ничего интересного – одни стрелялки-рубилки. С жестяным ревом мечутся монстры, порхают вертолетики, под колеса машины летит дорожное полотно, скрипят драконы, пылающая ладья с телом вождя викингов уплывает к горизонту, где темная вода сливается с темным небом... Примитив. Типичный набор для ограниченных любителей незатейливых игр. Пашка, надо думать, попросту снимает напряжение после трудового дня с помощью недешевого ящика, а на что-то более сложное нет времени, что вполне понятно и объяснимо.

Выключив компьютер, он немного подумал, встал и отправился побродить по квартире, как того требовали правила игры: нужно освоиться, уверенно сворачивать в нужную дверь на автопилоте, нельзя же на каждом шагу вспоминать про клятую потерю памяти...

Постоял на пороге столовой, полюбовался на массивный стол, высокие темные кресла в готическом стиле, на серебро и хрусталь за чистейшими стеклами огромного буфета, смахивавшего на старинный рыцарский замок. Добросовестно попытался представить, как вся семья здесь каждодневно трапезничает, – но все время так и подмывало покоситься за плечо в поисках зрителей. На его здоровый плебейский вкус, воспитанный незатейливым уютом

советских военных городков (если только имелось что-то, отдаленно напоминавшее уют), принятие пищи в таких вот условиях больше походило на театральную постановку. Но ничего не поделаешь – придется вращаться...

Слава богу, не лыком шиты и не лаптем кормлены. Знаем главное – начинать следует с крайних ножей и вилок. Учены-с, правда, чисто теоретически...

Спальня отличалась столь же спокойной, ненавязчивой роскошью. Основательное супружеское ложе, возникни такая необходимость, могло бы приютить полдюжины двухметроворостых гренадеров вроде тех, которых кто-то из русских императоров запросто подарил прусскому Фридриху, а тот, кажется, променял целый взвод усаых великанов на китайские вазы. Или – роту? Обойдя постель по периметру – для чего потребовалось время, – Петр с облегчением убедился: меж ним и Катей будет достаточно пустого пространства, чтобы чувствовать себя относительно спокойно. «Между нами был кинжал...» «Ложась спать, принц Ала ад-Дин положил меж собой и царевной Бадр аль-Будур острый дамасский меч...» Интересно, много ли вранья в сих классических сказках?

В свое время, несколько дней назад, он решил, что Пашка малость заливает и «каминная» обозначает попросту комнату для отдыха. Оказалось, нет. Оказалось, здесь и в самом деле наличествует огромный камин с мраморной доской, на которой стоят старинные часы под прозрачным колпаком, а по обе стороны от них – целая шеренга бронзовых и фарфоровых фигурок. Петр не выдержал, сорвался на чистое мальчишество – присев на корточки, сунул голову в камин и негромко крикнул. Ответило эхо. Никакой бутафории, каминная труба самая настоящая, если выдвинуть вьюшку, виден кусочек неба. Конечно, последний этаж, и все же... Вряд ли обычному смертному, даже обитающему на последнем этаже, так уж легко устроить себе взаправдашний камин – непременно нужно какое-то разрешение, замучаешься собирать бумажки и бегать по инстанциям...

Заложив руки за спину, задумчиво прошелся возле странного сооружения у стены, пытаюсь догадаться о его назначении. Пашка об этом не рассказывал. Возвышение длиной во всю стену и шириной метра в четыре, на совесть сколоченное из светлых лакированных досок, посередине – желтый металлический шест, выходящий из пола и уходящий в потолок. Справа и слева – целые гирлянды то ли больших светильников, то ли крохотных прожекторов. Правда, нигде не видно кабелей. Под потолком, аккуратно над помостом, – шар размером с футбольный мяч, покрытый небольшими отверстиями и зеркальцами. На стене, у невысокой дверцы, оказавшейся запертой, – что-то типа пульта с дюжиной кнопок и парой маленьких рубильников. Петр, конечно же, не рискнул с ними экспериментировать: еще устроишь замыкание или, того хуже, – пожар. Он еще раз подергал дверцу и, вторично убедившись, что она заперта, вернулся на середину комнаты, продолжая ломать голову.

Больше всего это походило на сцену. На миниатюрную эстраду. Почему бы и нет? Легко представить, как для горсточки избранных гостей здесь выступает заезжая эстрадная звезда – читал о чем-то таком, слыхивал. Положительно, в пошлейшей роскоши обитает предводитель команчей...

Катина комната особой роскошью не блистала – мебель здесь была попроще, чем, скажем, в столовой, хотя, конечно, опять-таки сделанная не на Шантарском деревообрабатывающем комбинате. Порядок идеальный. Петр постоял на пороге, пытаюсь через вещи и обстановку понять женщину, с которой предстоит жить под одной крышей.

Не получалось. Ну, телевизор. Ну, книги. Ну, парочка картин на стене. Видимо, каждодневные старания вышколенной прислуги убивали всякую индивидуальность. «Выйдешь в туалет – а постель уже застелена...» – что-то вроде...

Зато в Наденькиной комнате индивидуальности было хоть отбавляй – ни следа неряшливости, а вот хаоса и беспорядка в избытке. Книги – грудой на полу возле полки, компью-

терные распечатки, завившись в трубки, громоздятся на столе, валяются на полу, на постели. Здесь же большие мягкие игрушки, яркие журналы.

Петр завистливо поцокал языком, присмотревшись к Надиному компьютеру. Вот это действительно был рабочий агрегат, могучий и заверченный. Подключен к Интернету через модем со скоростью 33,6, отличный принтер и все прочее... Судя по всей машинерии, ребенок не только злоязычный, но и головастый – здесь работают с компьютером всерьез и немало...

Он не удержался – присел к монитору, нажал клавиши. Тут же вспыхнула лампочка МК, модем был готов к работе.

Так, посмотрим, какими мы располагаем возможностями...

Что ж, Пашка не жалел денег на падчерицу. Оплачен неограниченный доступ в «Спрайнет» и «Америка Онлайн» – так что при желании можно прямо отсюда пообщаться с Опррой Уинфри, поспрошать у звезды самого популярного в Штатах шоу, как у нее сегодня настроение, что ела на обед и как относится к Саддаму Хусейну...

Он незаметно увлекся. Вышел на «Микрософт Нетворк» – опять-таки оплаченную – и стал просматривать длиннейший список ее услуг по организации путешествий.

«Экзотика, черт... А ежели мне вдруг захотелось полетать на воздушном шаре над островом Борнео? Хм, не так уж дорого, с Пашкиной точки зрения... Так, заказ авиабилетов на тот же Борнео, дабл ю – дабл ю – дабл ю – экспедиа ком... Нет-нет, не нужно нас учить отправлять факсы, мы это умеем и сами, эф-эй-кью...»

Заигрался, как ребенок. Машина была хорошая. Веб-страницы мелькали, словно сухие листья под ветром.

Услышав за спиной тихое посвистыванье, он вздрогнул, пристыженно обернулся.

Юная «падчерица» разглядывала его с непонятным выражением, старательно высвистывая какую-то незатейливую мелодийку. В руке у нее был желтый плетеный поводок – ну да, с собакой гуляла, долгонько что-то...

Петр, неуклюже поднявшись, пробормотал:

– А мы тут плюшками балуемся, знаете ли...

– Я вижу, – кивнула девчонка, бросив поводок на кресло. – Вы мне, папенька, ничего тут не раздербанили?

Она прошла мимо Петра, глянула на экран, бросила быстрый взгляд через плечо на неловко застывшего «отчима», пожала плечиками с непонятным выражением лица:

– Значит, по «вебам» странствуете, любезный родитель?

– Пришла вот в голову такая блажь, – сказал Петр, к этому времени овладев собой и решив, что ничего страшного, в итоге, не произошло. – Ты против?

– Отнюдь, сказала графиня... Правда, кто-то обещал блюсти мое право на частную жизнь и без нужды по моим апартаментам не шлаться...

– Ну извини, увлекся.

– Ну ничего, бывает, – ответила она в тон, – какие, в сущности, мелочи, папенька...

– Слушай, прелестное дитя, – сказал Петр, – тебе и правда интересно вот так вот выдрючиваться, или это чистейший эпатаж по всем канонам подросткового возраста?

Похоже, он ее заставил на минутку задуматься.

– Ну, как сказать... – протянула Наденька. – Что-то вроде около того и вообще...

– Понятно, – кивнул Петр. – Трудный возраст. Потребность в самоутверждении.

Она не ответила на его дружелюбную улыбку, призванную навести мосты и содействовать сближению народов. Стояла, переминаясь с пятки на носок, нахмурив брови, – ужасно похожая на Катю. Внезапно широко улыбнулась:

– Папенька, а как насчет обещанных ста баксов? Все сроки, сдается мне, прошли...

Петр полез в карман пиджака, где покоился бумажник с парой тысяч долларов и полудюжиной кредитных карточек. Спихватился, пригляделся к юному созданию внимательнее. Очень уж озорные бесенята прыгали в ее глазах – серых, Катиных... Поневоле наталкивает на подозрения.

– Погоди-ка, – сказал Петр, обретая уверенность, – напомним, когда это я тебе обещал денежки. Потому что я вспомнить решительно не в состоянии.

– Ну понятно – тяжкие последствия аварии...

– Не финти, – ухмыльнулся Петр, – у тебя физиономия неумелой лгуны.

– Снимаю свое предложение, – пожала она плечиками без особого раскаяния. – Пардон за неумелую авантюру. Хотела всего-навсего провести тест на тему «Последствия автоаварий касательно памяти». Извините, папенька...

– Ладно, – махнул он рукой, полез в бумажник и вытащил портрет президента, выдержанный в черно-салатных тонах. – Сотни много, а пятьдесят получай. За находчивость.

Надя смотрела настороженно и руку протягивать не торопилась.

– Бери, пока я щедрый, – сказал Петр.

– На условии?

– Да никаких условий. Считаю, в честь моего счастливого возвращения к родному очагу.

– Точно?

– Точно.

– Ну, если... – она протянула руку, взяла бумажку и бросила на стол. – Премного благодарны, ваше степенство.

– Давай без выпендрежа, а? – сказал Петр. – Все я понимаю насчет самоутверждения, но, честное слово, уж не обижайся, настолько все это смешно выглядит... Естественность тебе больше идет.

Она опять замкнулась, только что улыбалась – и вновь нахмурила аккуратные бровки, глядя исподлобья. «Трудный ребенок, – подумал Петр, – совершенно неконтактный».

– Ну ладно, – сказал он примирительно. – Извини, что я посидел тут на «паутине»...

– Да пустяки.

– Вот и ладушки, – Петр хотел похлопать ее по плечу, но в последний момент передумал – как-никак почти девушка, да еще с характером, может обидеться...

Вышел в широченный коридор.

Короткое низкое рычанье заставило его замереть.

Метрах в трех от него стоял на широко расставленных лапах большой белый бультерьер, наклонив остроконечную крысиную башку, всматривался в Петра маленькими глазками. Хвост многозначительно опущен, верхняя губа подергивается.

– Тыфу ты... – сказал Петр тихонько. – Реджи, фу! Ты что это, малыш?

Пес неуверенно вильнул хвостом. Осторожными шажками, медленно переставляя лапы, приблизился вплотную, принялся – и внезапно отпрыгнул. Оказавшись почти на прежнем месте, громко взлаял.

– Что здесь такое происходит? – выглянула Надя.

– В толк не возьму, – как можно естественнее пожал плечами Петр. – Реджи, Реджи, малыш! Ты что это?

Бультерьер по-прежнему вел себя странно – то взмахивал хвостом, то, подавшись вперед, тут же отпрыгивал. Он уже не рычал, тоненько проскулил пару раз, такое впечатление, что в полном недоумении.

– Реджи, место! – прикрикнул Петр, боясь оглянуться на Надю и уж тем более просить у нее помощи. – Место, кому говорю!

Реджи после некоторой заминки все же подчинился, пошел в глубину квартиры, то и дело оглядываясь на Петра, ворча и поскуливая. Петр торопливо прошел в кабинет.

Об этом они с Пашкой не подумали. Казалось, годовалый буль совершенно ничего не заподозрит, коли уж оригинал и копия схожи как две капли воды. И тем не менее пес явно почуял неладное. Вряд ли сумел своими незатейливыми собачьими мозгами осознать происшедшую подмену в полной мере, но что-то явно было не в порядке, по его песьему разумению. Определенно не в порядке. Значит, абсолютного сходства недостаточно, есть еще что-то – неуловимая разница в запахах, в движениях, для людей несущественная, а вот для пса сама собой разумеющаяся. Черт, возможны осложнения...

Ниша в конце коридора как раз и была отведена в полное собачье распоряжение – там лежала чистенькая подстилка, стояла желтая пластиковая миска с водой и вторая, пустая. Бультерьер лежал вытянувшись, положив голову на лапы, не сводя с Петра маленьких глазок, умных и растерянных. Тихонько зарычал. Петр постарался обойти его по стеночке. Только захлопнув за собой дверь кабинета, почувствовал себя спокойнее. Положительно, будут осложнения, если псина не успокоится...

Отвернувшись от лесной феи, прошелся вдоль книжных полок. Ощутил что-то вроде приступа ностальгии, узнав на третьей снизу собрание сочинений Гюго – пухлые светло-зеленые тома издания конца пятидесятих годов, из родительской квартиры, памятные с детства.

Протянул руку, вытащил том, который, судя по виду, раскрывали гораздо чаще остальных, – обветшавший переплет весь покрыт вертикальными темными морщинами. «Труженики моря». То ли память подвела с годами, то ли изменились Пашкины вкусы – помнится, он никогда не любил Гюго, а меж тем с тех времен, как Петр видел книгу в последний раз, ее открывали частенько... Совсем истрепался переплет.

Ну что ж, вкусы могут с годами меняться. Он и сам с годами разлюбил иных писателей, по которым в свое время с ума сходил, а других, коими пренебрегал прежде, вдруг оценил по достоинству. Вполне возможно, изменились и Пашкины вкусы, пристрастился к месье Виктору... Но почему именно «Труженики»? Остальные тома остались такими, какими их Петр помнил. Ну, может, Катя читает или Надюша просвещается, отдыхая от компьютера...

– Да! – негромко откликнулся он, услышав деликатное постукивание в дверь. Вошла Марианна с начищенным подносом, присела на классический манер, протянула поднос Петру. Он взял с блестящей, массивной серебряной пластины небольшой листок кремовой бумаги. Виньетки, буквы с затейливыми завитушками. «Настоящим почтительнейше приглашается в театр «Палас» на вечернее представление господин Савельев Павел Иванович, промышленник и коммерсант». Дата сегодняшняя, подписи нет.

С непроницаемым выражением лица, хотя представления не имел, о чем идет речь, Петр поинтересовался:

– А что на театре дают-то?

Марианна не без лукавства улыбнулась:

– «Лас-Вегас» и «Колючую проволоку». У вас есть замечания или пожелания, Павел Иванович?

«Милая, – возопил он про себя, – какие могут быть замечания, не говоря уж о пожеланиях, если не знаешь, о чем речь?!» Но вслух, понятное дело, солидно произнес:

– Н-нет, ничего подобного...

– Значит, по заведенному образцу?

– Ну да, – кивнул он с восхитительным, неподдельным самообладанием – за каковое стоило самого себя похвалить.

Впрочем, Пашка так и наставлял, не раз повторив: «Основных правил у тебя будет два. Первое – ничему не удивляться, второе, соответственно, держаться спокойнейшим образом. Тогда, как во времена оны заверяли по «ящику», все у нас получится...»

Что ж, в этом был резон... Поудобнее устроившись в кресле, Петр осведомился:

– Что-то я запамятовал, во сколько начало...

– Можно как обычно, в одиннадцать вечера... – Марианна фривольно улыбнулась, – или, если вы желаете, сразу после ужина...

– Тогда надо распорядиться насчет машины...

– Машины?! – она подняла брови, непритворно изумившись. На миг улетучилась вся вышколенность. – Простите, не поняла...

«Черт, что-то не то ляпнул».

– Да пустяки, обмолвился... – сказал он, постаравшись, чтобы в его улыбке не было вымученности. – Перепутал... В общем, на ваше усмотрение, лады?

– Конечно. Павел Иванович, у вас и правда усталый вид... Простите, последствия, похоже, сказываются...

– Еще бы, – сказал он спокойно, – не буду врать, голова в норму не пришла, беспокоят... провальчики...

– Напряжение необходимо снять? – понятиливо подхватила Марианна.

– Да вообще-то...

Ляпнув это, он через миг сообразил, что поступил опрометчиво.

Заученным движением отставив поднос, Марианна гибко опустилась на колени и, прежде чем он успел как-то отреагировать, «молния» на его брюках разошлась с тихим шелестом. Непроизвольно напрягшись, Петр успел охнуть:

– Если войдет...

– Глупости, Павел Иванович, – Марианна посмотрела на него снизу вверх с уверенной улыбочкой опытной стервы, – никто не войдет без позволения, да и задвижку я защелкнула...

Ее теплые пальчики уверенно принялись за работу. «Основных правил у тебя будет два...» Так-то. Не отбиваться же с воплем – поскольку оригинал, ясный пень, вряд ли когда-нибудь отбивался, вовсе даже наоборот, надо полагать... И посему Петр смирился с происходящим, он лишь опустил глаза, упершись взглядом в ритмично двигавшуюся светловолосую головку, – чтобы не смотреть на Катин портрет...

Когда все кончилось, Марианна упруго выпрямилась, не спеша, с нарочитой медлительностью облизнула губы и, уставясь на него нахальным взглядом сообщницы, улыбнулась:

– Вы сегодня в великолепной форме, Павел Иванович. Честно...

Забрала поднос и, покачивая бедрами, направилась к двери. Петр торопливо застегнулся, чувствуя, как горят щеки. Покосился на стену, встретил спокойный, с лукавинкой взгляд лесной феи. И горестно матернулся про себя – н-ну, Пашка... Завел порядочки. Не Шантарск, а гарем посреди аравийских песков. Впрочем, он и в юности был ходок почище Петра.

А главное, то ли печальное, то ли комическое, несмотря на всю ошарашенность, в глубине души нет, увы, ни осуждения, ни отторжения. Ежели цинично – любой нормальный мужик, не маньяк, но и не пуританин, в таких вот условиях будет ощущать главным образом то самое чувство глубокого удовлетворения. Обе стервочки, что Анжела, что Марианна, дело знают. Одна беда: все это вовсе не ему предназначено, чужое...

Глава четвертая

Домашний театр графа Шереметева

Вопреки его опасениям, ужин в роскошной столовой оказался не столь уж удручающим процессом. Он очень быстро привык. Просто внушил себе, что оказался в хорошем ресторане, – бывали-с в прошлые времена, когда славные офицеры армии российской еще не считались отбросами общества...

Да и не оказалось тех самых наборов многочисленных ножей и вилок, касаемо которых правила этикета предписывали начинать непременно с крайних. Видимо, Пашка справедливо решил не доводить идею великосветскости до абсурда – по крайней мере, в домашнем кругу. В общем, обычный ужин – с поправкой на роскошь и обилие блюд, прилежно подаваемых бесшумно порхавшей вокруг стола Марианной.

И Катя, и Надя держались предельно обыденно – они-то, надо полагать, привыкли. Постепенно и Петр намного расслабился душою, не следил бдительно за локтями и падающими на скатерть крошками, в итоге неплохо поужинал, завершив процесс парой бокалов вина. Кажется, прошло гладко. В следующий раз пройдет и совсем непринужденно – не самое тяжелое испытание, как оказалось, семейные трапезы в хоромаш г-на Савельева, промышленника и коммерсанта...

Гораздо более нервировало поведение Реджи – чертова псина вела себя по-прежнему: явно сбитый с панталыку буль то возникал в дверях столовой, вглядываясь в Петра прямо-таки с человеческим недоумением, то скрывался, тихо ворча. Никак не хотел признавать хозяина – и успокоиться никак не желал. И «жена», и «падчерица» не могли не обратить на это внимание – но, к счастью, Катя сама подыскала подходящее объяснение: кто-то ей напел, что собаки – прирожденные телепаты, и она всерьез предположила, что пес шестым чувством просек случившуюся с хозяином беду, оттого и не находит себе места. Петр, вздохнув с превеликим облегчением, постарался развить и закрепить эту тему, добросовестно пересказав парочку историй о собачьей телепатии, вычитанных из многоцветных бульварных газеток. Удалось, похоже. В конце концов Катя шуганула пса на место, и он, ворча, удалился.

– Благодарю за хлеб-соль, папенька, – присела Надя, встав из-за стола. – Разрешите вздорному ребенку удалиться на дискотеку? Не заикливаться же на компьютерных трудах, нужно и развлекаться временами.

– Валяй, чадушко, – сказал Петр.

Щелкнула невидимая картотека. Дискотека «Метрополис», приют золотой молодежи, проплаченная заботливыми новорусскими «предками», немаленькая охрана старательно бдит, по мере возможности отсекая наркотики, спиртное и замаячивших на горизонте представителей «низших классов». Отвезет и привезет Митя Елагин, нет причин для беспокойства, можно спокойно разрешить...

Механически поблагодарив Марианну – последовав в том примеру Кати, прямо-таки скопировав ее интонации и слова, – Петр пошел к себе в кабинет. По дороге чертова псина снова проводила его злым, недоуменным ворчаньем, но, слава богу, на какие-либо активные действия не решилась. Может, притерпится? Задобрить его следует, вот что, притащить с кухни какого-нибудь мяса, глядишь, и наладится...

Он даже обрадовался, когда после обычного деликатного стука появилась Марианна. Взял быка за рога:

– Слушай, сообрази там с кухни чего-нибудь для Реджи. Типа сосисок, колбаски... Такое впечатление, он от меня за неделю отвык. Надо налаживать контакт...

– Павел Иванович, вы, наверное, забыли... – Марианна показала на письменный стол. – Перед самой аварией я купила пару упаковок костей, ну, этих, импортных имитаций, вы тогда просили... Они там и лежат. Реджи обожает.

– Забыл ведь, – сказал Петр с вымученной улыбочкой, – ну да, кости... Ты, главное, не удивляйся, чувствует моя душа, мне еще многое придется напоминать. Положительно, дают о себе знать провальчики...

– Я и не удивляюсь, Павел Иванович, – преспокойно заявила Марианна. – Екатерина Алексеевна мне подробно пересказала все, что говорил доктор. Вы не напрягайтесь, со временем обязательно пройдет...

– Да я и не напрягаюсь, – облегченно вздохнул Петр.

И подумал, что следует в ближайшее же время ознакомиться с содержимым «своих» стола и секретера. Чтобы поменьше попадать впросак. Вот так вот ляпнешь о чем-то – а оно, оказывается, у тебя в столе преспокойно лежит. Пашка, правда, не дал кода от корейского сейфа, но там, надо полагать, чисто личные бумаги, Лжепавлу в данный момент совершенно ненужные. А стол и секретер следует изучить не откладывая...

Марианна, похоже, не собиралась уходить. Петр вопросительно поднял глаза.

– Театр, Павел Иванович, – непринужденно напомнила она. – В каминной все готово, ждем-с...

«Вот оно что, – облегченно вздохнул Петр. – Вот он где, театр „Палас“, оказывается, – на дому, как у вельмож в старину водилось. Интересно, в чем сюрприз?»

– Все как обычно? – осведомился он небрежно, чтобы не давать ей повода лишний раз вспоминать о «провальчиках».

– Разумеется. Извольте проследовать?

– Изволю, – кивнул он.

... За его спиной с тихим стуком вошла в пазы задвижка. В каминной царил полумрак, только на столике возле широкого дивана горел неяркий ночник. Добравшись до дивана, Петр устроился поудобнее, обнаружил на столике приличных размеров поднос с бутылкой коньяка, тоником, закусками и заедками. Марианна, скользнув в полумраке грациозной тенью, скрылась в той самой низкой дверце в дальнем углу зальчика. На минуту воцарилась загадочная тишина. Признаться, Петр был заинтригован – Пашка ни словом не упомянул ни о каких домашних театрах графов Шереметевых, ушедших в небытие развлечениях бывшего всемогущего барства в «век золотой Екатерины»...

Чтобы вернуть душевное спокойствие, налил себе изрядную дозу коньяка, разделался с ней в темноте и закурил – слава богу, с этим никаких проблем не возникло: Пашка сам дымил, как старинный паровоз, повсюду в хоромах стояли пепельницы...

Неожиданно послышалась тихая музыка, постепенно она становилась громче, но так и не дошла до рубежа, на котором превратилась бы в терзающую уши какофонию. Некая смесь булькающе-томных турецких мелодий и современных электронных ухищрений. Приятная, в общем. Столь же внезапно налились светом прожекторы, бросая на эстраду разноцветные лучики, понемногу залил ее ярким сиянием, смешением причудливых радужных теней, скольжением невесомых геометрических фигур – круги плавно превращались в овалы, овалы – в звезды, в волнообразные линии, загадочные переплетения. Цвет постепенно менялся, под потолком пришел в движение зеркальный шар. Денег и высококлассной электроники во все это было, надо полагать, вбухано немало...

Но выглядело, нельзя не согласиться, чертовски красиво. Петр засмотрелся с сигаретой у рта.

– Сегодня мы открываем нашу программу полюбившимся публике номером «Лас-Вегас»... – промурлыкал на фоне музыки из невидимых динамиков голосок Марианны.

Катя появилась на эстраде столь же неожиданно, выскользнув из низенькой дверцы.

Вот тут-то у него по-настоящему сперло в зобу дыхание. На ней красовался кружевной халат до пят, просторный, белый, в разноцветных лучиках прожекторов, ставших подобием рентгена, не скрывавший черного затейливого белья и алых колготок с замысловатым узором. Обычно она пользовалась косметикой умело и ни капельки не вульгарно, так что казалось, будто никакого макияжа и нет вовсе, а сейчас была накрашена с удручающей обильностью, словно недалекая провинциалочка, впервые в жизни попавшая в столичную дискотеку и посчитавшая потому нужным нанести на мордашку полкило грима. Как ни странно, от этого она казалась еще красивее и моложе.

Петр сидел с отвисшей челюстью – чего в залитым мраком «зрительном зале» никто, к счастью, не мог бы узреть. Да и не было других зрителей.

Катя танцевала так, словно последний год только тем и занималась, что смотрела ночной канал «Плейбоя», старательно разучивая потом все приемчики и ухватки заокеанских стриптизерш. С застывшей на лице улыбкой, посылая в темноту недвусмысленные взгляды, извивалась вокруг шеста, сверкавшего сейчас так, будто его отлили из чистого золота. Кружевной халат давно уже улетел на край эстрады, где и висел комом, стройная фигурка выгибалась с отточенной грацией, заставляя его несчастное сердчишко колотиться турецким барабаном, черный бюстгальтер проплыл по воздуху, словно осенний лист на слабом ветерке, исчез в темноте; в голове у Петра стоял совершеннейший сумбур...

Он судорожно сжал в кулаке полный бокал, поднес ко рту, пытаясь этим жестом найти некую спасительную соломинку. Отличный коньяк мягкой, щекочущей волной достиг желудка. Большими пальцами Катя приспустила черные трусики, прильнула к сверкающему шесту, скользя по нему ладонями, то опускаясь на колени, то медленно выпрямляясь.

То, что с ним происходило, однозначному описанию не поддавалось. С одной стороны, мужское естество заявляло о себе так, что Петр ежесекундно ожидал услышать треск рвущейся материи. С другой – он сгорал со стыда. За себя, за нее, за Пашку, за все происходящее. В разнесчастной башке стоял полный кавардак. Где она научилась так? Неужели ей это нравится? Сразу видно, все это происходит не впервые – «театр» должен быть чуть ли не обыденностью. Почему Пашка, сволочь такая, промолчал? Как вообще нормальному мужику стукнула в голову идея использовать законную супругу для подобных представлений? И какая нормальная жена согласилась бы на роль домашней стриптизерки да вдобавок отточила, надо признать, мастерство до нешуточных высот?

Мысли и вопросы мешали друг другу, голова была жаркой и тяжелой. Когда взлетела тонкая рука с бледно-розовыми ногтями, отправив в полет трусики, свет внезапно погас, музыка притихла, во мраке едва слышно прошлепали босые ноги.

Очень быстро свет зажегся вновь. Эстрада была пуста. Музыка завершилась длинной трелью, потом резко изменилась – то, что понеслось из невидимых динамиков, больше напоминало классические мелодии тридцатых годов, но уж никак не опереточные: с чем-то они в голове у Петра ассоциировались, что-то напоминали, но он, пребывая в полнейшей ошарашенности, не мог провести четких аналогий. Бетховен? «Полет валькирий»? Определенно симфоническая музыка, ни следа эстрады...

Воровато, словно совершая что-то неподобающее, он щедро налил себе коньяка и выпил жадными глотками, глядя на пустую эстраду. Из динамиков послышался голосок Марианны:

– Сегодня по многочисленным просьбам господ зрителей мы вновь исполняем классическую постановку «Колючая проволока»...

Петр едва попал концом сигареты в пламя зажигалки. Коньяк сделал свое, но, разумеется, не смог ни успокоить, ни вернуть душевное равновесие. В голове кружился тот же парализующий сумбур, лицо пылало. Все это было и шокирующим, и чужим, он ощущал себя проникшим на представление безбилетником, никогда еще за все дни притворства так

остро не чувствовал свое самозванство – и никогда не осознавал себя столь растерянным, даже униженным. Стыдно сидеть здесь пнем, стыдно смотреть на Катю... вот связался!

Вновь на эстраде появилась Катя, на сей раз не выплыла в танце, а просто вышла обычной походкой, столь же ярко, вызываяще накрашенная, только волосы теперь заплетены в толстую косу с распущенным концом. Вместо классического наряда дорогой стриптизерши на ней теперь было коротенькое платьице из самой натуральной серой мешковины – чистенькое, с большим вырезом и расклепанным подолом, сшитое по фигуре, в обтяжку, наверняка не косорукой портнихой из окраинной мастерской для бывшего советского народа, а «мадам» из дорогого ателье (даже Петр смог это сообразить).

И ощутил дикую, противоестественную смесь стыда с любопытством. Ругал себя, но ничего не мог поделать. Смотрел во все глаза.

Держась так, словно ни «сцены», ни «зрительного зала» не существовало вовсе, Катя прошла к шесту и остановилась возле него, глядя в сторону. Появилась Марианна – в высоких черных сапогах и короткой кожаной юбке, с кобурой на поясе, в черной рубашке с алой гитлеровской повязкой, витыми погонами и эсэсовскими петлицами. На голове – лихо заломленная пилотка с черепом и костями. Помахивая длинным черным стеклом, она не спеша подошла, завела Катины руки за шест, защелкнула на запястьях наручники – тоже держась так, словно никого вокруг, кроме них, не существовало. Усмехнулась:

– Подумала, Катюша?

Реплика прозвучала естественно, непринужденно; словно из уст профессиональной актрисы.

– Я не понимаю, фрейлейн Эльза, что вы от меня хотите... – тоже довольно натурально произнесла Катя, стоя лицом к Петру.

– Поговорим о партизанах, Катя?

– Честное слово, я здесь ни при чем...

– Знаешь, что самое смешное, Катенька? – промурлыкала Марианна. – Я тебе, кажется, верю... Ничего общего с этими бандитами у тебя нет и не было. Верю.

– Тогда почему же...

Марианна, подойдя вплотную и стоя так, чтобы не заслонять «партизанку» от зрителей, погладила ее по щеке:

– Есть еще одна сторона проблемы, Катюша... Тебе никто не говорил, что ты чертовски очаровательная девочка? Штучный экземплярчик, сделанный по особому заказу?

– Н-ну...

– Обладательница такой фигурки может себе позволить многое, – продолжала Марианна.

«Это же Пашка, – подумал Петр смятенно. – Его лексикончик, его давние обороты... и, надо полагать, его сценарий? Очень похоже. Лет двадцать назад братец даже порывался попробовать силы в изящной словесности, да так и заглохло...»

Тем временем Марианна освободила Катю от наручников, отвела от шеста, с той же небрежной опытностью расположив лицом к Петру. Вкрадчиво сообщила:

– Катюша, ты же взрослая девочка. Я тебя могу отправить в караулку к солдатам, а могу и не отправить. Тебе надо что-нибудь объяснять или сама поймешь?

И провела концом стека от шеи до колена, чуть приподняв подол кожаной петелькой. Обняла за талию, зашептала что-то на ухо. Катя легонько отстранилась:

– Я этого никогда не делала...

– А в караулку хочешь?

– Нет, – потупившись, сказала Катя.

– Ну вот и умница...

Все еще приобнимая Катю, она опять зашептала на ухо.

Катя, вскинув на нее глаза и хлопая ресницами, в конце концов покорно кивнула. Чуть присев, стянула узенькие красные трусики и замерла, уронив руки. Подойдя сзади, Марианна накрыла ладонями ее грудь, стала целовать в шею. Пилотка упала на пол рядом со стеклом. Катя закинула голову, зажмурилась. Звучал старый марш: «Дойче зольдатен, унтер-офицерен...» Петр боролся со стойким ощущением, будто спит и видит тягучий кошмар. Совершенно не представлял, что ему делать.

Резким движением Марианна рванула обеими руками платье на Катиной спине. Видимо, там был заранее сделан зашитый на живую нитку разрез, потому что крепкая мешковина подалась неожиданно легко, обнажив плечи. Обеими руками Катя придерживала платье на груди, а ладони Марианны с рассчитанной медлительностью блуждали по ее телу, спустились на бедра, нырнули под подол. Тихонько вскрикнув, Катя дернулась, но тут же застыла в прежней покорной позе, и Петр ощутил прилив неконтролируемой ярости – судя по движениям рук Марианны и ее покрасневшимся щекам, игра пошла всерьез.

Комкая подол, Марианна потянула Катино платье вверх, явно намереваясь его содрать. Катя послушно подняла руки над головой, мятая мешковина уже поднялась выше талии...

А пошло оно все! Не выдержав, Петр рывкнул:

– Хватит!!!

К его удивлению, крик не вызвал на сцене ни малейшего замешательства. Убрав руки, Марианна встала по стойке «смирно» и отчеканила:

– Яволь, герр штандартенфюрер! Разрешите идти?

Катя, тоже без малейших следов замешательства или испуга, стояла в прежней позе, придерживая платье на груди довольно низко. Легко прыгнув с невысокой эстрады, Марианна прошла к выходу. Тихонечко щелкнула задвижка. Петр вдруг понял, что вовсе не представлял благородным избавителем супруги, а попросту подал нужную реплику в нужный момент. Спокойно спустившись с эстрады, Катя шагнула в темноту, присела рядом и обычным голосом попросила:

– Налей мне коньяку...

От нее пахло крепкими духами и здоровым свежим потом. Чуть растерявшись – сообразил уже, что, несмотря на его благородный порыв, чертов спектакль все же шел по накатанной, – Петр налил ей рюмку, сердито сунул в руку и загасил сигарету в пепельнице, раздавив по дну.

Выпив коньяк, Катя придвинулась к нему вплотную, в полумраке Петр перехватил ее вопросительный, ожидающий взгляд.

И сидел сиднем, с напрочь отшибленным соображением.

– Что-то не так? – тихонько спросила Катя. – Мне лечь или...

Он боролся с собой. Одна половинка сознания гнусно напоминала, что он, как ни крути, есть теперь Павел, законный супруг, вольный вытворять все, что заблагорассудится. Другая, засевши на руинах былой порядочности, настырно твердила, что не стоит превращаться в законченного подонка. Так и не уловив, видимо, суть его колебаний – да и откуда ей знать правду?! – Катя, подобрав ноги, легла на диван и, приподнявшись на локте, повторила:

– Что-то не так?

– Все нормально... – ответил он сдавленно.

– Иди ко мне.

Платье открывало ноги, упало с плеч... Не было сил бороться с собственной душой, жаждавшей эту женщину, как никогда прежде. Он склонился над ней, подавшейся навстречу, оказался в ее объятиях, ладони скомкали жесткую мешковину – и произошло. Грубо ворвался во влажную теплоту, впился губами в шею, ощущая ее каждой клеточкой, тесно прильнувшую, тут же колыхнувшуюся в заданном ритме. Катя тихонько застонала, окончательно сводя его с ума, сплела пальцы ни спине, отдавшись полностью, – и эта-то покор-

ность, пылкое соучастие его и добили. Все кончилось, едва успев толком начаться. Петр едва не взвыл, ощутив окончательное и полное бессилие. Попытался спасти положение – но тут же понял: ничего не получится. То ли чертов спектакль отобрал всю силушку, то ли мальчишеский восторг от проникновения, то ли все вместе.

Сгорая со стыда, оторвался от нее, лег, чувствуя лицом обивку дивана, – и едва не вцепился в нее зубами, не в силах толком понять, на что же злиться.

Катя легонько погладила его по волосам, притянула голову:

– Ну, не получилось... Не переживай. Ты же после больницы, я понимаю...

В ее голосе не было и тени разочарования – или ему только казалось? Прошло довольно много времени, прежде чем он рискнул поднять голову, лечь на спину, повторяя про себя по адресу Пашки все ругательства, какие только знал.

– Не мучайся, – мягко сказала Катя, – отдохнешь немножко, и все потом получится... Попробовать?... – она легонько прикоснулась.

– Не надо, – хрипло сказал Петр. – Потом. Что-то я сегодня... Катя...

– Что? – тихонько спросила она.

– Тебе самой-то все это нравится?

– Что?

– Не прикидывайся. Пьески...

Он почувствовал, как Катя на миг напряглась. Но в следующий миг ее голос прозвучал ровно, совершенно спокойно:

– Я привыкла, Паша. Как ты и говорил...

Другой принял бы это за чистую монету, но Петр, даже пребывая в смятении чувств, уловил глубоко запрятанную фальшь. И втихомолку порадовался: нормальная женщина, не находящая никакого удовольствия в забавах погорелого театра...

– Так уж привыкла? – спросил он. – И когда Марьяшка тебе под юбку лазит? Что-то мне показалось, будто особенного творческого энтузиазма у тебя этот «допрос партизанки» не вызвал... В конце концов, ты ж у меня нормальная баба, это я, похоже, заигрался...

Ресницы, касавшиеся его щеки, легонько ворохнулись.

– Ну, признавайся уж, – сказал он Кате на ухо. – Не вдохновляет?

Она вновь легонько напряглась:

– Тебе откровенно?

– А как еще?

– Что с тобой?

– Да ничего. Решил произвести переоценку ценностей. Говорят, человек меняется раз в семь лет... Ну, цифра, может, и не особенно точная, но мысль, по-моему, верная...

– Знаешь, если откровенно... – Катя помолчала, потом, видимо, ободрившись, заговорила увереннее: – Если откровенно, ничего нет такого уж плохого в экспериментах и забавах... если вдвоем. Только вдвоем. А все остальное... Ты знаешь, от Марьяшкиных лапок или от «палача» немного воротит...

И замолчала, словно испугавшись, что раскрыла душу больше, чем следовало. «Очень мило, – подумал Петр. – Еще и палач какой-то в репертуаре объявился. Очень хочется надеяться, что и эту роль исполняет вездесущая Марианна, иначе начнешь думать о родном брательнике вовсе уж нелестно».

– Ну и правильно, – сказал он. – Сколько раз мы уже побывали заядлыми театрами? Я сам не помню в точности, голова слегка побаливает...

Она старательно задумалась:

– Раз в неделю, иногда два... года полтора... это будет...

– Ладно, не будем вдаваться в цифирь, – сказал Петр.

И пожалел ее: полтора года подобных забав кого хочешь ввергнуть в мизантропию, просто удивительно, что она еще держится.

– Кать, ты очень обидишься, если мы с этой забавой завяжем? – спросил он.

– Ты серьезно?!

– А почему бы и нет? Хватит, поразвлекались. Когда она тебя сегодня лапала, у меня что-то в душе перевернулось, честное слово. С мужиками в возрасте такое случается. Хлопнет что-то по башке... как со мною и произошло, – и начинаешь многое переосмысливать. Знаешь, пока я неделю валялся в больнице, много передумал... Короче, Катенька, не закрыть ли нам занавес? Цирк сгорел, и клоуны разбежались... Конечно, если ты горишь желанием и дальше изображать звезду подиума...

– Не горю, милый, – сказала она, решившись. – Надоело... А ты уверен, что тебе этого больше не надо?

– Уверен, – отрезал Петр. – Точно тебе говорю.

Катя прижалась к нему, положила голову на локоть, с явственной надеждой в голосе произнесла:

– Паша, очень хочется верить, что это у тебя не от коньяка...

– Сказал же. Переоценка ценностей.

«Что ж ты делаешь, оглоед? – рявкнул внутри остерегающий голос, олицетворяющий здравый смысл. – Побудешь благороденьким, дашь ей, фигурально выражаясь, вольную – а потом опять появится Пашка и запустит цирк по-новой.

Но ведь с Пашкой можно потолковать по-мужски. Или...

А почему, собственно, эта мысль должна выглядеть чем-то заведомо неприемлемым? Пашка сам говорил, что всерьез собирается с ней развестись, когда предлагал не церемониться и преспокойно иметь Катю, когда захочется и как захочется, в его голосе не было ни сожаления, ни ревности. Ни следа подобного. Ее вовсе не придется отбивать, уводить. Она будет свободна... но как ей объяснить? А может, ничего не объяснять? Появиться однажды в своем подлинном обличье? Еще не факт, правда, что она решится, согласится...

Кира, – вспомнил он с виноватым укором. – Ох, Кира... А что – Кира? В конце-то концов, перед самим собой лукавить не стоит, это подвешенное состояние уже давно встало поперек горла – и ее затянувшиеся колебания, и капризы... В конце-то концов, случалось подобное в мировой практике. Все знают великую пьесу Шекспира о юных влюбленных, но мало кто помнит, что до встречи с Джульеттой у Ромео была, выражаясь языком современной молодежи, закадренная герла. Постоянная подруга. О которой он во мгновение ока забыл и никогда уже не вспоминал – Джульетта сразила его, как солнечный удар. Как молния. Это – жизнь, так случается. И ничего нельзя с собой поделать. Катя. Катенька». Катины губы скользнули по груди, переместились ниже. Она добросовестно пыталась помочь, окрыленная к тому же неожиданным известием о закрытии театра...

Именно это его и остановило – как ни туманилась голова, не хотелось получать это исключительно в благодарность за отмену бездарных эротических пьесок... Петр насколько мог мягче отстранил ее голову:

– Катенька, не стоит сегодня. Я и в самом деле что-то подустал. На природу бы, с костерком и лесным воздухом...

– Ох, Савельев... – шепнула она с явственным счастливым придыханием, – сдается, тебя и в самом деле крепко приложило головушкой, если ты начал мечтать о вылазке на природу. Давно я за тобой не замечала таких желаний... Ну, что ты надулся? Я шутя.

Он не надулся – просто-напросто обнаружил, что мимоходом допустил очередной прокол, вновь побыл собой, а не Пашкой, и в самом деле никогда не любившим особенно пикники на природе. Но не скажешь же ей правду...

– Вот видишь, Катюш, – произнес он насколько мог мягче. – Достаточно хорошенько треснуться башкой, чтобы пробудились совершенно вроде бы несвойственные желания...

– Уж это точно. Даже Реджик заметил, что ты изменился...

– В лучшую сторону, надеюсь? – спросил он напряженно.

Катя тихонько засмеялась, прижимаясь к нему, щекоча щеку пышными волосами:

– Пашка, как мне хочется верить, что – в лучшую...

«Никому не отдам, – подумал он, цепenea от нежности, осторожно водя кончиками пальцев по нежной коже. – Даже Пашке. Имею я право на простое человеческое счастье после всего пережитого? Когда ревела толпа и взлетали в воздух отрубленные человечьи головы, а в автоматах не было ни единого патрона, потому что так порешили чьи-то изуверченные перестройкой мозги, когда лежал на окраине городка с вывихнутой ногой, а машина, сверкая фарами, разворачивалась, чтобы раздавить окончательно, когда... Неужели после всего, что довелось пережить, не смилуются высшие силы, как их там ни именуй, не выделяют кусочек счастья? И за Рагимова, и за всех остальных...»

Пригревшаяся в его объятиях Катя неожиданно вздохнула.

– Что? – встрепенулся он.

– Просто подумала, как мало нужно, чтобы вновь почувствовать себя счастливой, – призналась она. – Господи, примитивно-то как – не удержал машину на дороге, треснулся головой – и все в один волшебный миг изменилось... Паша, нехорошо так говорить, но лучше бы это у тебя подольше не проходило...

– Не пройдет, – заверил он, легонько отстраняя пальцами жесткую дурацкую мешковину, мешавшую ощущать ее тело так, как этого хотелось.

– Паша...

– Да?

– А «фотостудия»?

– Ликвидируем заодно, – наугад ляпнул он.

Но, похоже, угодил в точку – Катя лишь потерлась щекой о его плечо, удовлетворенно вздохнула. Еще и «фотостудия», надо же. Положительно, так и тянет потолковать с Пашкой по-мужски...

– Паш...

– Да?

– Ты извини, что я так уж расхрабрилась и обнаглела...

– Брось. Сегодня такой вечер – исполнение твоих желаний. Я серьезно.

– Может, поговоришь тогда с Митькой?

– С Елагиным?

– Ну, а с кем же.

– А что он?

– По-моему, он что-то такое возомнил. После «Палача». Норовит все прикоснуться, как бы нечаянно, руку положить... и, что самое тягостное, почему-то непременно на публике. Как бы не начали болтать глупости. В самом деле, Паша, почему-то это на него находит именно в присутствии посторонних глаз. Я его никогда не считала сдвинутым, но это вовсе не мои фантазии, он становится навязчивым...

– Мозги легонько поплыли у мальчишечки, – поразмыслив, сказал Петр. – Сколько раз он у нас палача-то изображал?

– Четыре. И в последний раз очень уж вжился в образ...

«Сукины вы дети, – подумал Петр, – и Митя, и Пашка. Это что же получается? Отталкиваясь от того, чему был свидетелем, от «Колючей проволоки», не так уж трудно догадаться, что представляет собой «Палач». Из той же оперы, мягко говоря. Пашка, но это уже за гранью... Это извращением пахнет, Паша».

– Поговорю, – заверил он, – сумею объяснить, что игры кончились. Э, нет! – он решительно отстранил ее ладонь, только что совершившую весьма даже игривые поползновения.

– Паша, – лукаво прошептала она. – А ведь крепнет содружество трудящихся, я успела почувствовать... Угум?

– Нет, – сказал он, сделав над собой героическое усилие. – Что-то там и впрямь крепнет, но у меня есть стойкие подозрения, что вы, Екатерина, хотите меня вульгарно отблагодарить. За изменения в грядущей жизни. А голая благодарность мне не нужна, уж извини изысканную натуру...

– И голая супруга тебе не нужна? – поинтересовалась она уже совершенно спокойным, завлекающим голосом.

– Сказал же, не нужно мне благодарностей, – фыркнул он. – При других обстоятельствах, когда все будет естественно и не отягощено комплексом благодарности... Милости просим.

– Ловлю на слове, Павел Иванович... – дразнящим шепотом сообщила она на ухо.

... Когда Петр направлялся в супружескую спальню в двенадцатом часу ночи, он уже чувствовал себя не то что спокойно, а где-то даже уютно. Некий рубеж был пройден, взято некое препятствие. Он больше не боялся жить с Катей под одной крышей и спать в одной постели. Он был уверен в себе, бодр и весел.

Бультерьер Реджи ворохнулся в своем закутке, сонно заворчал.

Остановившись совсем рядом, Петр негромко и весело произнес:

– Помолчи, мышь белая, не запугаешь...

Пес, как ни удивительно, заткнулся.

Глава пятая

Контторские будни, Инкорпорейтед

За завтраком он подметил, что Катя временами бросает на него быстрые испытующие взгляды. И без труда догадался, в чем дело. Но за столом, в присутствии малолетней «пад-черицы» и проворно порхавшей Марианны, конечно же, говорить об этом не стоило. И он, поскольку никогда не жаловался на отсутствие аппетита – особенно за этим столом, – старательно притворялся, будто ничего не замечает, наворачивая бутерброды с икоркой и копченой осетринкой.

Потом уже, когда снизу брякнули Марианне по ее персональному – понимать надо, чья горняшка! – мобильнику и доложили, что экипажи хозяина и его супруги поданы к подъезду, а охрана уже бдит у двери, Петр улучил подходящий момент, когда посторонних в пределах прямой видимости не оказалось. Ловко притиснул Катю к стеночке – как, бывало, в отрочестве на танцплощадках – и сказал:

– Дорогая супруга, я ведь заметил, как ты меня за фуршетом дырявила пытливыми взглядами... Пыталась сообразить, не спьяну ли наобещал изменений в жизни?

Она кивнула, глядя с надеждой.

– Не доверяешь, – грустно сказал он. – Повторяю на трезвую голову, что не спьяну. Что сказал, то и будет.

Женщина, с которой он провел прошлую ночь в роскошной постели самым целомудренным образом, смотрела на него снизу вверх с такой доверчивой надеждой на безоблачное будущее, что у него внутри поднялась настоящая буря, потянулся было ее поцеловать, благо такое впечатление, что именно этого она и ждала, но черт некстати принес в прихожую горняшку с персональным мобильником. Пришлось отпрянуть и степенно сопроводить супругу на лестницу.

У подъезда наличествовали все три вчерашние тачки. Еще на лестнице он решил, что посадит Катю на «мерс», а сам сядет к Елагину, чтобы потолковать по душам, но оказалось, что Елагин как раз и сидит за рулем германского битюга. Тем лучше, зверь бежит прямехонько на ловца...

Машина еще не выехала со двора, когда Елагин безразличным тоном сказал:

– Хозяин всегда садится на заднее сиденье...

– Сегодня особый случай, – ответил Петр, – потолковать надо, Митенька. Не люблю смотреть в затылок собеседнику – в тех унылых случаях, когда нет в руках ствола.

– Надо же, как отставные штабисты духарятся... – с тем же нахальным безразличием бросил Елагин, не отрывая взгляда от дороги.

– Как выражается генерал Лебедь – слушай сюда, я тебя говорить буду, – тихо, недобро произнес Петр. – Чересчур ты что-то обнаглел, мальчишечка. Катю оставь в покое. Усек?

– Точнее? – как ни в чем не бывало бросил плечистый.

– Не прикидывайся целкой, – сказал Петр. – Она мне жаловалась. Все эти навязчивые прикосновения, причем на публике... И не врал она, вышел я из того возраста, когда не умеют правду от вранья отшелушивать.

– Ну, в таком случае ты чертовски счастливый человек, командир, вот что я тебе скажу...

– Не вилай. Уяснил, что от тебя требуется?

– Ты ее хоть трахнул?

Петр постарался не заводится:

– Сказал, слушай сюда. Ты ее с этого момента оставишь в покое, Гульфик Лундгрэн доморощенный. Понял?

– Допустим. Вот только не возму в толк, зачем ты, дубликат, впрягаешься в чужие отношения. Твое дело простое – старательно изображай оригинал и не задирай хвостик.

– Чего-то ты, я вижу, упорно недопонимаешь, – пожал плечами Петр. – Хорошо, что она мне пожаловалась. А если бы оригиналу? Хорошо я его знаю, не стал бы он с тобой душеспасительные беседы беседовать...

– Спаситель ты мой... Что, Катюшу распробовал и настолько она тебе глянулась?

– За словами следи, падло, – сказал Петр металлическим голосом. – Уж если зашел разговор об оригиналах и дубликатах, позволь тебе напомнить, что дубликат еще до-олгонько будет изображать оригинала. Пару месяцев, знаешь ли. За это время можно столько дров наломать...

– Например?

– Например, выкину тебя сейчас из машины и прямо посреди проезжей части навешаю по чавке, – сказал Петр спокойно. – Вон те ребятки, – он показал большим пальцем за спину, на видневшийся в зеркальце заднего вида бежевый «пассат» с охраной, – ни о каких таких подменах не подозревают, моментально подключатся. А в конторе прикажу тебя уволить к кузькиной матери. Через пару месяцев, может, и восстановишь справедливость – хотя, насколько я знаю своего братца, он, узнав о твоих поползновениях, из чистого принципа яйца тебе шлюпочным узлом завяжет... И вообще, что мне стоит в нынешнем своем обличье позвонить знакомым из областного УВД и наябедничать, что мой шофер на рабочем месте из горлышка самогон жрет и анашу под сиденьем держит...

Он бил наугад – ну не могло у Пашки при его положении не оказаться добрых знакомых среди местных силовиков в чинах... Видимо, так оно и было: Елагин, дернувшийся было сказать что-то хамское и обидное, захлопнул клювик. Помолчал с минуту и уже совершенно другим тоном произнес:

– Давай считать, что – проехали?

– Коли ты от нее отвяжешься, – сухо сказал Петр.

– Заметано.

– Слово?

– Ну, сказал же...

– Смотри у меня.

– Да ладно тебе, – покаянным тоном произнес Митя, явно стараясь нащупать пути к примирению. – Я же не железный, понимаешь...

– В роль «палача» вошел?

– Что, разузнал уже? Мое дело маленькое, командир. Ежели босс хочет, чтобы я сыграл рольку на театре, отказываться как-то и неловко. Полиcedeйствовать пять минут за дополнительные бабки на фоне нынешней безработицы – очень даже неплохое занятие...

– Вот только в роль входить за пределами театра не следовало, – сказал Петр, уже остыв.

– Да ладно, говорю ж – заметано... А теперь ты послушай. Инструкции. Вон там, в бардачке, возьмешь больничный, его тебе добрый доктор Айболит аж на три недели выписал, понятное дело, босс так распорядился. Никакой отсебятины, все, что я говорю, велено передать в точности и незамедлительно... Короче, у тебя все еще позванивает башка и заниматься ежедневной конторской рутинной не стоит. Косарева нет в городе, а кроме него никто не знает про... вас с боссом. Когда он придет, и займешься делом. А пока – заедешь на фирму на полчаса. Чтобы своим бодрым цветущим видом опровергнуть всякие сплетни – одна наша бульварная газетенка уже печатнула, сучка, что у господина Савельева якобы полный паралич и он, по слухам, совершенно недееспособен. Тут подъедет одна морковка с тиви, наши «паблик-рилейшен» договорились и проплатили, дашь ей кратенькое интервью – мол, жив-здоров и весел-бодр, правда, рекомендовали отдохнуть недельку, но это в прин-

ципе пустяки... Потом можешь ее трахнуть, босс ей пару раз вставлял черта под кожу, так что не удивится... Сосет, говорит, виртуозно, так что пользуйся моментом.

– Ближе к делу.

– Куда уж ближе... В общем, повосседай полчаса в кабинете. Никого не принимать, ни с кем о делах не толковать, все дела переводить на замов и прочую шуштуру... Принесут текущие бумажки, не требующие резолюций и решений, – ссылай в стол, босс потом разберется. А главное – к тебе сегодня заявится на прием некий господин по фамилии Колпакчи. Запомнил? Господин Колпакчи. Так вот, его ты обязательно примешь. Потолкуете за закрытыми дверями.

– О чем?

– Мое дело десятое. Сам скажет. Но чтобы принял ты его как штык. И сидел в конторе, пока он не явится. Понял?

– От и до, – сказал Петр, не глядя на него.

До самого офиса они не разговаривали. Из машины Петр вылез не попрощавшись, уверенно направился к высокому кирпичному крыльцу большого трехэтажного здания самой что ни на есть недавней постройки, торчавшего среди окрестных пятиэтажек, словно инопланетный космический корабль. Охранники моментально нагнали, пристроились по бокам. Фестоны из белого кирпича на фоне кирпича красного, огромные окна в пластиковых рамах, черные кованые перила крыльца, такие же фонари, высокие золотые буквы над парадным входом: ДЮРАНДАЛЬ. Интересно, кто придумывал фирме название? Не в Пашкином стиле. Вообще с трудом верится, глядя совковым взором отставного подполковника, что все это – Пашкино, принадлежит одному человеку. Кто бы мог подумать четверть века назад...

Проворно опередивший его на шаг охранник распахнул перед Петром высокую стеклянную дверь. Он вошел столь же уверенно – на совесть проштудировал план здания и мог, не топчась и не раздумывая, добраться до «своего» кабинета.

Двое крепких мальчиков в галстуках на проходной – сплошное полированное дерево и начищенные стальные полосы – живенько встали, почтительно поприветствовали. Петр сухо кивнул и пошел на второй этаж, к «себе». По дороге встретились лишь два человека, седой хмырь с современным скоросшивателем и молодая девчонка, одетая в строгий деловой стиль, оба с закатанными в пластик ксивами на лацканах. Поздоровались громко, торопливо и почтительно – в ответ, как и наставлял Пашка, были удостоены лишь мимолетного кивка.

Большая приемная с лакированной мебелью и двухметровым кактусом в углу. Из-за стола вскочила смазливая, как чертенок, коротко стриженная брюнеточка в канареечном брючном костюме.

Картотека – щелк! Жанна, личная секретарша, обращение откровенно фамильярное...

– Привет, очаровательная, – сказал он непринужденно. – Слышал, тут меня хоронят?

– Па-авел Иванович! – она расцвела, стреляя глазками. – Мало ли что бульварки твякают... У меня-то с самого начала была точная информация от Земцова... Я вижу, у вас все нормально?

– Лучше некуда, – сказал Петр. – Правда, с недельку рекомендовали отдохнуть. Никаких бумаг на подпись, никаких вопросов, требующих моего вмешательства и решения. Усекла, золотко мое черноглазое? Волоки исключительно те бумаги, что помечены «для сведения». Все прочие заворачивай.

– Будет сделано, – отрапортовала Жанна. – Чай, кофе?

– Кофе.

(Слава богу, в этом их с Пашкой вкусы совпадали.)

– Список записавшихся и звонивших по деловым вопросам...

– Давай, – Петр бегло просмотрел. – Так... Телезвездочку приму. И господина Колпакчи. Остальных отфильтровывай с учетом только что полученных инструкций. Уяснила?

– Разумеется.

– Ну и молодец, – Петр легонько похлопал ее там, где кончается талия, прошел в кабинет и тщательно притворил за собой дверь.

Рассуждая в армейских эталонах и мерках, кабинет был генеральский. Если не круче. Огромный стол хозяина с батареей телефонов, слева – стол для заседаний персон на дюжину, в углу – четыре мягких кресла и низкий столик, надо понимать, местечко для особо доверительных бесед, за той дверью, Пашка говорил, сортир и душ... Ох ты...

Прямо над предназначавшимся для него черным кожаным креслом висела картина, схожая по размеру и исполнению с той, что имелаась дома, в кабинете. Тот же художник, и дилетанту ясно. Нет, что-то с Пашкиными мозгами определенно не в цвет...

Ни в звезду, ни в Красную Армию...

Петр покрутил головой. В высоком черном кресле с остроконечной готической спинкой и гнутыми подлокотниками в форме звериных лап сидела обнаженная Катя – положив ногу на ногу, грациозно поместив руки на подлокотниках. Она смотрела на Петра словно бы свысока, пренебрежительно, горделиво, как будто восседала на троне, и не голой была, а одета в королевскую парчу. На шее и в волосах холодно, радужно посверкивали крупные бриллианты; в отличие от домашнего портрета, волосы не распущены, а уложены в высокую старомодную прическу начала века. Рядом с ней, положив руку ей на плечо, помещался господин Савельев Павел Иванович, негодант, – в отличие от супруги, одетый словно бы для приема у президента, в костюме-тройке, при галстукe со строгим замысловатым узором, с орденом на шее и орденом на груди. Такая вот композиция.

Петр долго недовольно крутил головой. Поневоле вспоминались бессмертные строки из Скотта Фицджеральда о богатых, не похожих на нас с вами. Человеку стороннему эту логику понять невозможно. Все, кто здесь бывает, от челяди до важных персон, это видят, с порога в глаза бросается...

«Ну что, будем вращать, господин Савельев, ваше степенство, негодант?»

Он сел в кресло. Выдвинул ящики стола – пусто. Только пачка легкого «Мальборо» в одном ящике и пара авторучек – в другом, а третий и тем не мог похвастаться. Сейф в углу кабинета – похоже, близнец того, что стоит дома...

Мелодично мяукнула пластиковая коробка с лампочками, и одна из них, синяя, зажглась, запульсировала. Петр даже отпрянул от неожиданности.

– Кофе, Павел Иванович, – послышался голосок Жанны, – и бумаги.

Поразмыслив пару секунд, он наклонился к самой коробке – было там что-то напоминавшее микрофон, квадратное отверстие, закрытое пластиковой решеточкой, – и громко ответил:

– Неси.

– Иду.

Буквально сразу же обитая натуральной кожей дверь бесшумно распахнулась, вошла Жанна, держа обеими руками серебряный подносик со всеми необходимыми причиндалами для кофепития, зажимая под локтем тонкую сиреневую папочку. Танцующей походкой прошла к столу, опустила поднос перед Петром, положила папочку чуть в стороне:

– Сводки, обзор печати, письма, бумаги. Как вы указывали, все, не требующее вашего вмешательства, решения, резолюций или подписи.

– Золотко, что бы я без тебя делал... – пробормотал Петр, взяв у нее полную чашку.

Отпил плоток, покосился на верхний лист с печатным текстом, видневшимся сквозь тонкий сиреневый пластик. «Хроника области». «Сегодня губернатор...» Что ж, неплохо Андропыч поставил дело, Пашка его хвалил...

– Прекрасный кофе, – сказал он не поднимая глаз.

– Служу российскому бизнесу! – звонко отчеканила Жанна, добавила уже гораздо более игривым тоном: – Как могу и как умею, шеф.

Петр поднял голову. Ошарашенно моргнул. Девчонка как раз снимала канареечный пиджачок, под которым ничего не оказалось. Аккуратно повесила его на широкую спинку обширного черного кресла, расстегнула верхнюю пуговицу на брюках, вжикнула молнией, глядя ему в глаза с многообещающей усмешечкой, самую чуточку приспустила легкие брючки так, что показался черный завиток, закинула руки за голову, потянулась:

– Остальное снимете сами или...

На сей раз он справился с удивлением мгновенно. Недолгая жизнь в Пашкиной шкуре уже не поражала сюрпризами, поскольку эти самые сюрпризы, как оказалось, легко укладывались в некую систему, а потому и перестали удивлять надолго. Допив кофе, Петр совершенно спокойно отставил чашку, подошел к ней вплотную и, не ощущая особого буйства плоти, аккуратно застегнул на ней брючки – на молнию, потом на пуговицу. Подал ей легкий пиджачок:

– Оденься, золотце...

– И как это понимать? – разочарованно протянула Жанна с видом обиженного ребенка, но послушно сунула руки в рукава, стала не спеша застегиваться.

«Достал он меня, шейх хренов, со своим-то гаремом, – сердито подумал Петр. – Если честно, это все равно, что осуществить детскую мечту – оказаться после закрытия в кондитерском магазине. Сначала лопаешь в три горла, но очень скоро опостылеет. Лапонька, конечно, аппетитная, но сколько ж можно кобелировать?»

Однако нужно что-то придумать из пресловутой мужской солидарности – и чтобы не обижалась потом на Пашку, кукла смазливая, раскомплексованная, и чтобы подозрений у нее не возникло вовсе...

Жанна так и стояла перед ним, недоуменно уставясь глуповатыми черными глазенками.

– Жанночка, – сказал Петр, найдя великолепный выход. – Умеешь ты хранить производственные тайны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.